

Глава III. А что Сибирь? Сибири не боюсь!.. (Мирюга́)

1. В путь-дорожку

Так хорошо солнце затылок припекает! Wunderbar! (Замечательно!) Я вообще люблю, когда солнце – светло, тепло! Ура! Все мои болезни, кажется, позади! Уж две недели – вместе с мамой и кучей другого народа – прополкой занимаемся на колхозном поле.

А что, мне чем дальше, тем больше нравится здесь, на Алтае! Конечно, многое (да почти что всё) тут не так, как на Волге! Но ведь тоже здорово! Река быстрая, вода колючая, тайга могучая! Ого! Я так и стихами скоро начну строчить!

И с местными ребятами я подружился. Вон Гришка с края поля рукой машет, зовёт вечером к себе велосипед его чинить. Машина старенькая, плохонькая, от отца осталась, но другой такой (и вообще никакой) ни у кого в селе больше нет.

Ах, как приятно, когда кровь в твоих жилах ровно струится! И жить сильнее хочется, и любить эти белые барашковые тучки, и летнюю гро-

зу, и даже бабушкину кашу-размазню на обед – всё это так здóрово! Одно слово – лето! У меня от удовольствия даже капелька пота с затылка на шею перебежала, а затем и меж лопатками защекотала.

Бригадир кричит: «Шабаш! Перекур!» И то: поработали неплохо, пропололи рядков даже больше, чем вчера. Идём на обед.

Мама в последнее время часто молчит и смотрит в одну точку, говорит о папе и Альке. Наконец-то от них пришли первые письма. Хорошего мало. Живут они в лагере, работают в лесу, голодают. Пишут, что нас любят. А нам боязно за них. Особенно за папу. У него ведь желудок больной, а в лагере голод.

Пришли домой. Бабушка сидит в уголке как всегда. Все морщинки на лице собрались в мелкую сеточку. Мыслями бродит где-то в давнем прошлом. Я вчера спросил её, о чём она всё думает?

– О нашей прошлой жизни вспоминаю, дитя моё (mein Kind), – говорит полушёпотом и по голове меня гладит. Столько там было хорошего, доброго и красивого! Дети росли, мир вокруг быстро менялся. А мы были в его середине и горели той жизнью!

Очень я опять же удивился: как это можно «жизнью гореть»? Что до меня, так я проще представляю себя в жизни: будто в реке плыву, по течению. И всё вокруг сверкает, переливается, плещет ласково или грозно. Иногда, конечно, волны становятся просто безумными – штормы там всякие, «девятые валы» и всё такое прочее. Вспомнишь только наше выселение с Волги, так вздрогнешь и вздохнёшь. Но это же всё позади, жизнь у нас вроде налаживается потихоньку.

Война вот только идёт себе да идёт, и конца ей не видно. Как-то не очень ладно получается: хотя наша доблестная Красная Армия храбро и по-геройски бьёт проклятых фашистов, но они всё лезут и лезут, уже и до Волги дошли. Вроде какая-то железная плита на всю нашу страну навалилась, а кого-то и вовсе раздавила. Даже здесь, в Сибири, эта тяжкая махина гнетёт весь народ от мала до велика. Одних похоронок пришло ужасно сколько! Инвалидов всё больше и больше, и все они (те, кто хотя бы передвигаться может) в работе: амбарщики, сторожа, учётики. На те места, где полный комплект «руки-ноги-глаза» не обязательен, туда их председатель колхоза и ставит.

Ну вот, сидим мы дома, обедаем. Вдруг слышим, кто-то калиткой у ворот постучал. Потом открывается дверь, и к нам в сени входят наши начальники – Фёдор Иванович и Андрей Николаевич. Я сразу подумал: не к добру это!

Мама живо со стола всё убрала (а чего там и убирать-то – всего добра-то с гулькин нос). Помолчали сперва. Наконец, Андрей Николаевич, отводя куда-то в сторону глаза, выдавил:

– Тут вот какие дела, Катерина! Пришла нам на сельсовет разнарядка. По постановлению Правительства создаются рыболовецкие колхозы на севере Красноярского края. И приказано выделить для этого дела по несколько человек от каждого сельсовета, где поволжские немцы приписаны. К тому же слухи ходят, что снова набор в трудармию готовится. И забирать теперь уже будут даже мальцов с 14 годков, а также женщин до 50, если у них нету детишек до трёх лет. Вот мы с Фёдором Иванычем и покумекали. Тебя с Пашкой в августе-сентябре через военкомат запросто могут в трудармию отправить. Но, вишь ли, нам это в план мобилизации не пойдёт и придётся ещё кого-то поставлять. А на Север-то, в эти самые рыбацкие артели, лучше всего сейчас ехать. Самое время, пока тепло.

Да, честно сказать, у нас и выбора тут нет, – как бы оправдывается председатель сельсовета.

А Фёдор Иванович добавляет с нажимом:

– Рассуди сама, Катерина: или тебя с Пашкой послать, или кузнеца Эмиля с женой. Дак мы же без него изревёмся тут! Техника-то вся старая, дохлая, ломается постоянно. А у Эмиля руки золотые! И я на него брешь уже оформил.

Снова молчим. Тут мама как бы очнулась, руками всплеснула:

– А бабушка?! Куда же мы её-то денем? Она же без нас с голоду помрёт! Жить-то ей совсем нечем!

Начальники переглянулись, и Федор Иванович, уже как-то успокоившись и даже повеселев, без напора (как будто заранее всё обдумал) отвечает:

– Ну, об этом ты, Катерина, не горюй! Мы Ольге Васильевне на бабу Эмилию дополнительный хлебный паёк выдавать будем как на иждивенку. Так что не пропадёт ваша бабуля! Не звери же мы! Что ты, в самом-то деле?!

На этом и порешили. В оконцовке сказали нам, куда завтра подойти надо, чего и сколько с собой в дорогу взять можно. Да, не суждено мне, значит, в последний раз к Гришке сходить, с велосипедом повозиться. А жаль! Любимого удовольствия лишился.

Ну и вот! Ушли начальники, а мы стали собираться «на рыбалку». Бабушка плачет беззвучно и непрерывно. Я пытаюсь её успокаивать по-своему и по-всякому. Говорю какие-то глупости, вроде:

– Ну чего плакать-то?! Ну рыбу будем ловить. Наловим, вернёмся с добычей! Да ведь и интересно же!

А про себя думаю: здесь, в Сибири, всё такое огромное: и небо, и горы, и деревья, и грибы! Жизнь вообще какая-то крупная по фактуре. У нас, в Европе, всё помельче будет. А на Волге и лесов-то почти нет. Правда, много здесь, за Уралом, и совсем дикого, чуждого человеку вообще. И это давит. Всё здесь не укрощённое пока ещё, не обработанное, не до конца освоенное людьми. Я даже поёживаюсь внутренне от этой огромности и неизведанности. И всё же охота мне в дорогу, спасу нет! Я вообще страсть как люблю путешествовать! Мама иногда с укором говорит на это:

– Всё бы ты шёл да ехал! И в кого только такой Vagabund (странник, бродяга) у нас уродился?!

А я в ответ:

Die Welt ist groß und rund,
Ich bin ein Vagabund!..
(«Мир велик и кругл,
А я в нём – лишь странник!..»)

Собрали мы свои узелки-котомочки. Да и что там собирать?! Имущества-то у нас кот наплакал, почти всё, что с Волги привезли, давно уже на картошку здесь променяли. Заглянула к нам Ольга Васильевна и только головой покачала:

– Гоняют вас, бедных, как собак бездомных. Ну да ладно, бог не выдаст, свинья не съест. Авось и обойдётся всё. А я вам назавтра хоть хлебца в дорожку напеку!

И ушла. А мы, намаявшись за день, улеглись: утро вечера мудренее (Morgen ist ein neuer Tag).

И ещё: «Один день – одно дело» (Einem Tag – eine Sache). Так кто-то из моих знакомых любит говорить. А вот кто? Никак не припомню и проваливаюсь в сон...

* * *

В стопке разрозненных листочков из папки в чемоданчике Павла Генриховича я нашел 10 замечательных лирических миниатюр. Вставляю их здесь после каждого подраздела. Мне кажется, они уместны. Видно, что это он еще в свои молодые года писал. Сильна же в нем была творческая струя!

Составитель

Созерцание-1: Как горит огонь

Иногда (днём или вечером) бежишь по своим делам или просто «вдаль бредёшь» и внезапно остановишься как вкопанный. И что-то очень важное начнёшь понимать и совсем по-другому. Или даже какой-то пустяк вдруг главнее всего покажется.

Много ведь всего за долгую жизнь свою видел, чего другие вовсе и не примечали. Или увидели с другой стороны. И вроде бы вещи-то совсем простые, а жизнь перевернуть могут резко и основательно. Об этом-то и речь.

К огню меня тянет с самого раннего детства. Помню: сижу у печки, дверцу приоткрою и лгну всей душой к этим трепетным языкам пламени. Как они разгораются: с фиолетовой серединкой, внутри же пылающего сердечка – ещё что-то жёлтое, а снаружи – красное. И как только начинают прогоревшие угольки гаснуть, я быстренько собираю и бросаю в огонь бумажки, щепочки, кусочки берёсты, что приготовленные для растопки лежат у печки. И что-то ненужное и недужное во мне выгорает, а взамен здоровое и полезное входит в меня от этих язычков жаркого огня.

«Пироман!» – скажет папа, дверцу чугунную захлопнет, а меня спать погонит. Но ведь правда же: без огня человек жить не может! А у меня душа к огню и пламени крепкими нитями привязана.

2. Село Троицкое

Лето в разгаре.

И вот с мучениями и треволениями привезли нас в село Троицкое. С нами ещё десятка три горемык (из того же района на Алтае). А отсюда, говорят, всех нас повезут ещё дальше: на север Красноярского края рыбу там ловить. Ну и дела! Мы и на Волге-то никогда этим особо не занимались. Там для этого были специальные артели, на берег сети с рыбой вытаскивали. И если мы, мальчишки, помогали им тоню тащить, они давали нам немного этой рыбы на уху. Помню, как бабушка с дедушкой радовались этой добыче: они же – приморские уроженцы,

«рыбоманы», как папа говорил. Что там у них с Алькой в лагере? И как же наша бедная бабуля одна-одинёшенька?

Троицкое – село небольшое. Главная улица тянется через него от начала и до конца вдоль холмистой гряды. В одном из закоулков, при-мыкающих к этому местному «проспекту», – небольшой домик. В нём всего две комнаты. В одну из них нас с мамой (и ещё человек 20 немцев-спецпереселенцев) и привёл местный бригадир, пожилой дядька, на первый взгляд, степенный и добродушный.

– Ничего-ничего! – говорит. – В тесноте, да не в обиде! Да и потом, вам же тут не век вековать. Несколько ночек как-нибудь уж перетерпите, а потом дальше к Енисею-батюшке отправитесь!

Огляделись: нары вдоль стен сколочены, теснотища, пыль, мрак. Мама поёживается, приятного мало, да и неизвестность её пугает. А мне вот хоть бы что! Ну интересно же! Куда, например, дальше поплывём? Это же, как у Жюль Верна в «Таинственном острове», моей любимой книге. Раз пять её в школьной библиотеке брал. Там ведь тоже леса, горы, пещеры. Но то в книге, а здесь-то всё наяву, перед глазами.

Ладно... Устроились кое-как. Печурку маленькую, железную (порусски – «буржуйка») растопили, воду кипятим в жестянках, чтобы муку в ней развести, пока она есть ещё. Хлеба нам мало дают, как неработающим. А свои припасы, и без того скудные, мы давно проели.

Послали меня за водицей к колодцу. Отворил дверь, гляжу, из соседней комнаты, где людей тоже как селёдок в бочке набито, женщины с детьми выходят. Такие же обтрёпаные и худющие, как и мы. И говорят они между собой на каком-то непонятном языке.

Спрашиваю у бригадира (он самокрутку на крыльце смолит):

– Кто это такие?

– Да латыши, – отвечает. – Высланные. Их, как и вас, тоже на Север повезут. Рыбку ловить. Или кормить.

Не понял я опять. Шутит он, наверное. Чем же это мы её, рыбу-то, кормить будем? А, ну его! Что зря голову ломать? Поживём – увидим, узнаем.

Перекусили чем бог послал, как русские говорят. И решили мы с мамой по селу пройтись, развеяться немного. Село сибирское, раздольное. Дошли мы главной его площади. Посредине – груда развалин: остатки разрушенной церкви, по имени которой село и было названо. И вот церковь-то сломали, а прежнее название села так и осталось. Напротив развалин церкви – большой дом, в нём местный сельсовет. Мама (а она суть Советской власти давно поняла) говорит вполголоса, кивая на этот дом:

– Вот смотри, сынок, наверняка, хозяина раскулачили, а дом его под сельсовет отдали. Так оно и в других местах было. И на моей родине в Причерноморье, и на Волге. На какую же справедливость мы надеемся? Наивные люди!

В ногах правды нет, да и стоять не хочется, подустали мы с мамой от прогулки. Присели на большущие камни, видно, что это остатки от основания церковных стен. На солнышке они нагрелись. Так стало от них тепло, уютно, аж в сон потянуло. Но смотрим, люди, вроде нас, со всех сторон к сельсовету подтягиваются. Оказывается, назначили здесь сбор всех «выселенцев». Объявят, что с нами дальше будет.

А я гляжу, рядом с нами женщина-латышка, из соседей по дому, с двумя девочками, дочками, видимо. Присели они рядышком на камни: тепло, хорошо, тоже разморило их.

– Наверное, – мама говорит, – эти церковные камни намолены за долгие годы. Вот поэтому нам на них так хорошо – как с самой Волги не было.

Вот так и сидим вместе, ждём. Тут женщина-соседка поворачивается к маме и спрашивает:

– Вас тоже на Север повезут?

Ну и, слово за слово, а дальше разговор зажурчал, как ручеёк по камушкам – лёгкий, светлый. Оказалось, что эту женщину зовут Леонора Павловна. Ее с двумя дочками, старшей Лидой и маленькой Бенилдой, выселили из Латвии (ещё в июне прошлого года) на юг Красноярского края. А мужа отправили куда-то в лагерь на север Кировской области. (Уж не в Вятлаг ли, туда же, где папа с Алькой оказались?) Он им давно уже ничего не пишет. Знающие люди и местные начальники отговариваются: значит – «без права переписки», есть и такие лагеря. Ужас!

Акцент у Леоноры Павловны, конечно, сильный. Но узнав, что мы – немцы, она обрадовалась и стала говорить с мамой по-немецки. И, кстати, это у неё получается гораздо лучше, чем по-русски (по её словам, она русскому-то языку только здесь, в Сибири, за год немного и выучилась). А девчонки её сидят, молчат. Старшая на год-другой меня помладше, совсем светловолосая, а другая – лет десяти, тёмненькая.

Народ постепенно собирается на площади, уже человек 60 подошли. И вот появляется из сельсовета начальник какой-то, в кожаной фуражке со звездой, в галифе, в начищенных до блеска хромовых сапогах. Ни дать ни взять чекист. Мне он сразу же не понравился: лицо квадратное, злое. Крепкий, сильный. Видно, ест вдоволь. Нависает как-то над нами. И говорит лающе, резко, отрывисто, будто команды отдаёт.

Вдруг мне солнышко щёку правую как-то по-особому припекло. Поворачиваю голову в сторону соседских девчонок, и тут меня словно током ударило! Старшая сестра в профиль ко мне сидит: кожа у неё белая с позолотинкой, волосы льняные, лучи солнца вокруг её головки сверкают, и волосы от этого чистым золотом играют! Бог ты мой! И вспомнил я одно своё давнее видение: это же ОНА! Та девушка, от которой вся моя жизнь зависит и с кем я всю эту жизнь неразрывно связан буду!

И нашло на меня: ничего больше вокруг не вижу, не слышу, что-то в душе перевернулось, и я всю свою жизнь и весь мир вокруг разглядел, осознал и понял. Даже как ласточки вверху летают, и как страна растёт из мощных корней своих, и что было, и что есть, и что будет – всё это разом как-то постиг. Не в словах, нет! Чувствами своими, внутренним видением каким-то. Как будто, весь мир у меня на плечах, и не как ноша тяжкая, крест мученический. Наоборот, мне легко от этой ноши и радостно сознавать: я могу оттуда взять в любой момент всё, что захочу, и столько, сколько захочу.

Как долго просидел я такой оглушённый, не знаю. Но постепенно начал приходить в себя. Сглотнул накопившуюся слюну. Слух ко мне вернулся.

А на площади – молчание. Плохое, напряжённое. Прерывают его только резкие выкрики начальника-чекиста. И чего он так кричит-то, разоряется? Впрочем, это и неважно.

Вот вылетело у меня из головы, как же зовут-то её, эту девочку? Ну, ту, от которой я обалдел. Обращаюсь к ней потихоньку и чувствую, что краснею от смущения:

– Извини! Если ты не против, давай знакомиться!

Она вроде не возражает.

– Давай! – говорит.

– Меня Пауль зовут, по-русски – Павел. Выбирай, что больше нравится! А тебя как звать-величать?

Улыбается:

– С рождения в Латвии звали Лидой. И ты меня Лидой зови!

Тут я и решил сострить. Говорю:

– Ли – да! Или Ли – нет?

Тут мы оба и разом рассмеялись, да так громко, чуть ли на всю площадь. Даже мамы наши на нас удивлённо и неодобрительно взглянули. Но они о чём-то там своём (очень важном, видимо) судили-рядили и вновь к своей беседе вернулись.

А мы с Лидой, словно родные, сидим рядышком и трещим наперегонки, вперебивку, не переставая. Сестрёнка её младшая посмотрела, посмотрела на нас и к мамам отошла. Верно, чтобы нам не мешать. Хорошая тоже девчонка, сероглазая и, по всему виду, сообразительная. Худющая вот только, как тростиночка.

Спрашиваю у Лиды:

– И как же вы здесь жили-то зимовали? Досталось вам небось?

– Да как все жили, так и мы, – говорит. – Мама работала, мы с Бенилдой в школе учились. Такой хороший учитель у нас здесь был Владимир Николаевич. Так изумительно просто и ясно всё объяснял! Я как-то спросила у него, что такое борона? Он провёл рукой в воздухе две черты длинные, а снизу как бы натыкал в них иголок. И я всё сразу поняла, я же сельский ребёнок! Он, Владимир Николаевич, пожилой уже был, но его всё равно на фронт взяли этой весной. А к лету уже убили, дочери похоронка пришла. Так мне жалко его! Добрый был человек и учитель замечательный! Наверное, благодаря ему и жители в этом селе, ну, многие из них, такие добросердечные, отзывчивые. А зимой... Конечно, голодно было, что там говорить! Так учительница математики принесла к нам на урок немного хлеба, раздала его по кусочку (граммов по 50) каждому и велела долго-долго этот кусочек жевать, чтобы он весь сильно-сильно слюной пропитался, покуда мы сладость не почувствуем. А до этого не проглатывать, ни-ни, ни крошки! И тогда голод немного утихнет. Тоже добрая душа!

Лида смахивает навёрнувшуюся слезинку и продолжает:

– Пока у местных колхозников всё их личное зерно в марте не отобрали, они такой вкуснящий хлеб выпекали! А потом уж все на одной картошке держались. Кое-кто, правда, мешки с зерном в землю позарывал. И то сказать, они же, колхозники, это зерно на свои трудодни получили, это – их добро, причём честно заработанное. Вообще крестьяне здесь такие же работающие, как и у нас в Латвии. Я-то знаю, я ведь сама на хуторе выросла, всё умею на земле делать!

Помолчала немного и опять щебечет:

– Ой, Пауль, а ещё у нас бригадир добрый! Вот в соседнем селе – там злой, даже свирепый, жестокий! Когда высланные латыши там после жатвы ходили по полю и оставшиеся колоски собирали, он лошадю на них наезжал и плёткой бил. А в наконецник плётки гайка тяжёлая приделана, чтоб удары больнее были. Одна женщина от этой плётки даже инвалидом стала. А наш бригадир осенью, когда наши взрослые женщины на веялке работали, советовал им потихоньку: «Вы пошейте мешочки, повесьте их на шею себе и так каждый день понемножку зерна домой носите. У нас говорят: птичка по зёрныш-

ку клюёт». На что моя мама возразила: «Но как же так? Ведь это же грех!» А он – ей: «Ну ладно, боитесь в мешочки – сыпьте себе в ботинки, сапоги. Если что, проверка, то-сё – скажете: случайно, мол, попало, а мы и не заметили. Иначе поумираете ведь с голоду все, и дети ваши тоже!»

В соседнем селе, между прочим, многие так и погибли. А мы вот живы, как видишь!

Ну и я в ответ трещу: и про нашу семью, и про папу с Алькой, и о том, как нас с Волги выселяли, как на колхозном алтайском поле работали, как на лесозаготовки меня гоняли, как дедушку хоронили, и про слепого учителя, и про бабулю нашу бедную, и о многом другом. Только про видения свои ни гу-гу! Короче, через час этих посиделок стали мы с Лидой друзьями – не разлей вода, как говорится.

И за всеми этими разговорами ничего не услышали о том, что же с нами дальше-то будет? Но по пути к своему новому и временному жилищу мамы нам всё пересказали. Оказывается, уже через пару дней поплывём мы дальше на баржах вниз по Енисею. Высадят нас сначала не так уж (по местным меркам) далеко отсюда, в устье реки Подкаменная Тунгуска, а затем (на отдельной маленькой барже-«илимке») доставят по этой реке в село Байкит. Основная же масса народа (а его соберут немало) отправится ещё дальше на север: по течению самого Енисея – в Дудинку или Агапитово, что ли. Я пока в здешней географии не ориентируюсь. Всё равно – это край света! Где-то у самого Полярного круга. Бр-р-р!..

В Байките живут в основном тунгусы, то есть эвенки. Они занимаются преимущественно охотой (пушным промыслом). А мы будем там рыбу ловить и сено заготовливать для Красной Армии. Это – «наша помощь фронту, наш вклад в дело Победы над фашизмом». Так говорил тот самый «плохой начальник» на площади. Фамилия его Боков. Он тоже поедет с нами как главнейший комендант от НКВД: надзирать, карать и миловать, если что... Ой-ой-ой!

Созерцание-2: Как течёт река

Сидишь у воды летом, и такая мощь прёт от этой лениво перекатывающейся огромной толщи, что просто оторопь берёт. Впадаешь в какое-то оцепенение – коматоз.

Где-то читал я (по-моему, про англичанина Ливингстона, исследователя Африки), как его во время одной из экспедиций лев схватил за шкуру, слегка встряхнул особенным образом и уже собрался в пищу употребить. И тут на этого англичанина такое напало безразличие – полная эйфория и паралич мышечный: ни рукой, ни ногой пошевелить не мог. На все со стороны давай смотреть. Тут сотоварищи давай стрелять, не съел лев путешественника! А тот это невероятной силы ощущение на всю жизнь запомнил.

Вот и от реки такое же совершенно расслабляющее воздействие исходит: волны невидимые на меня накатывают, внутрь проникают, омывают там всё, очищают и дальше уходят. Мне кажется, эта мощь меня даже как-то умнее делает. Всё глупое, наносное, как прибрежный старый сор, утаскивает, а меня самого облагораживает.

Какое это счастье – жить на берегу реки! Если рядом даже маленькая речушка, где и воды-то летом по колено всего, это всё равно великая удача!

Река и зимой катит свои воды. Идёшь по льду, а там, под тобой, не просто жизнь, а что-то большее, и оно движется безостановочно и необъяснимо. Это – и жизнь, и смерть, и великий какой-то ум, совершенно иррациональный.

Потому-то по-русски Волга – матушка. И действительно, есть в ней материнское начало, несомненное и огромное.

Да что там говорить?! Для меня-то всё просто и ясно: река – это чудо из чудес!

3. Мы на лодочке катались

Ну, вот и притащились мы на пристань к Енисею, как и было велено, к вечеру следующих суток. Днём-то жаррица, да к тому же мошкá, гнус, комарьё. Эти кровопийцы въедаются в нас так, будто впервые в своей короткой жизни до чего-то сладенького дорвались. А что с нас взять-то – кожа да кости.

Кое-как перекоротали ночь у костров. Наши с Лидой мамы друг за дружку держатся, помогают одна другой. Ну а мы с Лидой всё время вместе. Весело нам! Даже искорки у нас друг от друга перескакивают.

Я как единственный мужик на две семьи перетаскиваю все наши тяжёлые вещи на баржу. Вещей-то тех, правда, раз-два и обчёлся. Ещё одна из русских поговорок, так они мне по душе пришлись! И столько я их в алтайском селе от местных жителей нахватал! На всю мою жизнь хватит наверняка!

С утрачка тронулись в путь, поплыли вниз по Енисею. Барж много. Наша самая маленькая. Зарядил было дождь. Сразу похолодало. Но потом снова солнышко засияло. Лента реки стала какого-то странного, нереального цвета: иссиня-голубоватая. И над нами радуга повисла. Говорят, добрые приметы – и дождик на прощанье, и радуга! Рулевой баржи кричит нам с Лидой (мы с ней на самой корме стоим): «Кто под этой радугой проплывёт – счастливым будет!» Хорошо бы!

И тайга по берегам проплывает, такая умытая дождём, ярко-изумрудная. Красотища! У нас в Европе таких чистых красок нет: все цвета в природе какие-то смазанные, приглушённые. А здесь – вот они во всей своей первозданной свежести! И облака над нами плывут какие-то ослепительно белые! Здрóрово!

Правый берег реки – таёжный, высокий и суровый. А левый – пологий, с отмелями и песками. Эх, искупаться бы! Но Лида – трусиха, говорит, плавать не умеет. Я обещаю научить, мы же как-никак на реке будем жить...

.....

День длинный, и темнеет медленно и долго. Иногда река сужается, по правому берегу возвышаются огромные каменные кряжи. Но по течению да при тихой погоде чего ж не плыть-то? И мы плывём. Помалу.

* * *

На третий день северный ветер «из Арктики» (так нам местный лоцман объяснил) «задрал встречную волну», «поднял большой вал».

Вытаскиваем баржи на берег, пережидаем непогоду. А мошки, гнуса-то сколько! Ужас! А после обеда ещё и слепни! Уж мы по-всякому закрываем и лицо, и руки, так они всё равно пролезают и жалят жадно, немилосердно. Одно спасение от них хоть какое-то – у костра сидеть и, дымом окутавшись, отмахиваться. Дышать, правда, тяжеловато, но что делать? Из двух зол приходится выбирать меньшее... Зато звёзды какие проясняются по ночам на небе! Глубокие, сверкучие! Лида, глядя на них, ахать не перестаёт.

Комары и мошки – они днём и вечером свирепствуют, а ночами немного утихают. Прохладнее становится, и они хоть и такие же голодные и озверелые, но, очевидно, силы теряют, а с ними и пыл свой людоедский.

.....

Как долго мы плыли по Енисею, точно не знаю, я уж и счёт дням потерял. Ведь ни часов, ни календарей, ни радио у нас на барже нет. Всё слилось в какой-то сплошной и туманный временной поток. Одна радость за всю дорогу: лоцман хариусов наловил и дал нам с Лидой попробовать. Рыба такая нежная, что, чуть подсолив, можно есть её прямо сырой! Во рту тает. Объеденье! (Leckerei!) Лучше волжской осетрины даже!

* * *

Сегодня приплыли к устью Подкаменной Тунгуски, правого притока Енисея. Отсюда наша маленькая баржа (вместе с чекистом Боковым) отправится направо – против течения этой Подкаменной Тунгуски, а остальная флотилия с будущими рыбаками (немцами да латышами) и их начальниками продолжит спускаться прямо по Енисею, дальше, вниз по течению.

– Счастливые! Они же Арктику увидят! Мечта столько путешественников! Ведь здорово же! – тормошу я Лиду.

Но она почему-то не разделяет все эти мои восторги.

– Ох, и глупый же ты! – говорит. И всхлипывает. «Слёзки на колёсиках». И у меня весь мой энтузиазм как-то разом выветрился, будто праздничный шарик сдулся, лопнул.

Река Подкаменная Тунгуска – широченная, в устье – не один километр, наверное, от одного берега до другого. Вообще всё здесь, в Сибири, огромное. Можно подумать, создавались всё это – реки, горы, леса – какими-то древними исполинами и оставлены ими в наследство себе же подобным великанам.

А у нас, похоже, появились новые проблемы. Слышу, как наш лоцман, пожилой, но ещё здоровый, могучий мужик с бородой, говорит Бокову:

– Как дальше поплывём-то? Паводок ушёл, течение быстрое, пороги опасные. Гляди, вон вдали меж утёсов-то река кипит просто! Разобьём баржу-то, начальник!

А Боков ему:

– Не твоё дело! Задача поставлена – доставить всех в Байкит! Как хочешь решай! Хоть на себе баржу тяни!

– Это вверх-то по течению?! – лоцман на Бокова с недоумением смотрит. Тот покряхтел-покряхтел – и что-то, видно, сообразил про себя.

– Давай, – говорит, – всех взрослых на берег выгрузим и тянуть баржу заставим, а дети и вещи пускай на борту пока остаются!

Так они и сделали. Высадили взрослых на берег. Впрягли, как бурлаков, баржу за канаты тащить. А дети, десятка два, на палубе улеглись: голодные, тихие, вялые. Одна Бенилда веселится, у самого борта скачет, рукой маме своей машет. А ведь тоже не перекормленная. Непоседа, что ещё скажешь?! Мы с Лидой наряду со всеми большими в одной упряжке илимку за верёвки по берегу тянем. Тяжело это, не то слово. Усталость сразу же одолевает.

Да и погода какая-то неустойчивая: то жарко, солнце палит, то холодно, дождь накрапывает. То облака кучевые, кудрявые, то тучи низкие, серые, свинцово-тяжёлые. Нижний слой туч прямо над головой висит клочьями. А выше – ещё два слоя висят и как бы друг от друга расходятся. Это – как и в нашей жизни: всех разметало в разные стороны. Ветер постоянно волну гонит, и наша илимка тревожно потрескивает.

До Байкита от устья Подкаменной Тунгуски больше 500 километров. Как мы их преодолеем, не представляю.

.....

Бредём сегодня босиком по узкой каменистой полоске меж бушующей рекой и скалами (тут теснина, высокие стены-утёсы на берегу). Ноги у всех в садинах и царапинах, синяках от ушибов. А искупаться всё равно охота! Но это можно только вечером, когда станем на ночлег.

* * *

Уф-ф! Привал! Лежим, ноги кверху задрали. А с высоты на нас тайга смотрит, пристально, сурово. Мама с Леонорой Павловной (да и другие женщины) в лес ушли. Им некогда отдыхать, собирают какие-то съедобные корни, черемшу, ягоды. Им лоцман места показал. А вечером детей этими дарами тайги кормить будут, больше-то и нечем, от своих припасов даже воспоминаний не осталось.

Лида меня спрашивает:

– Вот скажи мне, зачем нас туда, в Байкит, везут?

– Не знаю, – говорю. – Будем, наверное, рыбу ловить и на фронт отправлять. Чтоб война проклятая поскорее кончилась.

А Лида головой качает:

– Глупости! Мы тут больше сами рыбы проедем, чем её наловим. Ну какие из нас рыбаки?!

Крыть мне нечем, но я пытаюсь стоять на своём, отвечаю неуверенно:

– Ну, сенокосить тоже будем ещё.

– Так лучше бы в Троицком сенокосили! – вновь возражает мне Лида. – Одно для меня ясно как божий день: тут над этим никто из начальников головой не думает! – это она мне уже тихонько так на ухо шепчет. И мне ужасно приятно, когда ветерок от её слов ухо моё щекочет.

.....

Снова в путь. По-русски говорят: «идти бечевой». Это про бурлаков. Нам даже картину в Варенбургской школе показывали: «Бурлаки на Волге» называется. Но я думаю, тем бурлакам было всё-таки легче

идти, чем нам. Веселее жизнь у них была: Волга и Сибирь – две вещи разные.

* * *

Счёт дням мы окончательно потеряли. А река то разливается широко, словно море, то сужается и между высоких скал с порогами бурлит. Сегодня у нас на пути как раз такие пороги. Тащим мы свою злосчастную илимку. Дети на её палубе молча стоят у бортов. И вдруг резкий треск – главный наш трос верёвочный оборвался. Истёрся о камни. Мы все на берегу закричали от ужаса. Женщины давай руки ломать. А баржу течение медленно от берега оттаскивает к водовороту, возле порога. Вода рябит и бликует от солнца.

Леонора Павловна в бессильном отчаянии смотрит на свою доченьку, смугленькую Бенилду.

«Все же там погибнут сейчас! Баржу об огромный каменный зуб в стремнине ударит и утопит! Никому не спастись!» – пронесется в моей в голове. И время как бы замедляется для меня, почти останавливается.

Вижу, один из латышских парней, Виталий Слоканс (ему уже лет шестнадцать, он племянник католического епископа, как Лида говорит), медленно-медленно опускается на колени и, глядя на баржу, как-то очень спокойно-сосредоточенно начинает молиться. Лоцман наш, дядька Степан, хватает огромный багор и пытается им подтолкнуть небольшую свою лодчонку (долблёнку) в бок илимке, её уже почти к самому порогу прибило. Но не получается у него никак.

Тогда я (в каком-то наитии) поднимаю из-под ног большую тяжёлую корягу и резко швыряю её в Степанову лодку. Она вздрагивает от удара и как бы нехотя втискивается в узкое пространство между порогом и баржой. Её тут же просто разносит в щепки, но это смягчает удар от столкновения баржи с порогом, и наша илимка, медленно отделившись от остатков долблёнки, дрейфует в тихую заводь.

На берегу общий вопль облегчения и радости.

– Слава Тебе, Господи! – крестится Степан. И эхом повторяют эти слова женщины: одни – по-немецки (Ehre sei Dir, o Herr Gott!), другие – по-латышски (Slava Tev, Kungs Dievs!). А у меня снова что-то щёлкает в голове, и возвращаются вновь все прежние звуки и краски, и движения людей вокруг становятся обычными, не замедленными.

Детвора на барже на барже по-прежнему испуганно молчит. Да и сил нет уже ни на что. А мы подтаскиваем кое-как баржу к берегу заводи. Боков тоже пришёл в себя, командует:

– Больше ребяtiny на барже не оставлять! Пусть берегом идут вместе со всеми!

Из женщин как душу вынули: сидят на берегу безмолвно или бродят кругами, словно тени. Лиц на всех нет. Видимо, и Боков почуял что-то неладное. Снова командует:

– Разводим костры! Обедаем!

Хотя никогда в это время так не делали.

Рулевой, дядя Андрей, присел на камень и рассказывает:

– Это – один из самых больших порогов на Подкаменной Тунгуске. Мучной называется. Видите, как тут скалы реку-то сжали? Вода кипит просто. Здесь, задолго до войны ещё, баржу с мукой разбило. Вот потому так порог и назвали.

Понемногу все оживают. Дети как ни в чём не бывало кусты чёрной смородины у протоки облепили. Но постоянно и к воде лезут. А среди камней на берегу полно глубоких ям. Тут глаз да глаз нужен. И к реке они рвутся, искупаться тянет. А там – омуты и быстрина местами, вмиг проглотить могут.

* * *

Очередной привал. Леонора Павловна сидит рядом с мамой в каком-то оцепенении и видно, что горюет. Мама ей:

– Не бойся, дойдём до Байкита, а там, даст бог, полегче будет!

А она отвечает маме:

– Вилма Путнinja пропала. Она с нами по берегу шла. Ей уже тринадцать лет. Нас вместе с её мамой в одном вагоне из Латвии везли. Попросилась отойти по нужде и пропала. Такая хорошая, добрая девочка! Мать её просто почернела от горя. Просила у Бокова разрешения вернуться, ещё раз поискать дочку хотя бы по берегу. Тот запретил.

– И без того опаздываем! – говорит. – Надо двигаться только вперёд! А ты сама почему так плохо за дочкой-то смотрела?

Спрашивается, а как тут можно хорошо смотреть, когда мы все баржу будто лошади тащим?!

И по светлому лицу Леоноры Павловны скатывается несколько слезинок. Большого она себе не позволяет, лишь губу ещё сильнее закусила. С сильным характером она – эта женщина, Лидина мама!

Мы с Лидой тут же, тайком, конечно, пробежали вдоль берега, ближайšie ямы и кусты осмотрели, нет ли где Вилмы? Бесполезно! И следов никаких. А дальше отходить нельзя, Боков и наказать может, да и пайка лишить.

* * *

И снова день тащится по берегу рядом с нашей илимкой. Мы с Лидой по очереди помогаем мамам, в бечеву впрягаемся. А по берегам – всё поросшие лесом сопки да утёсы. И лиственницы могучие, мохнатые, кудрявые. Говорят, они, как берёзы листву, на зиму свою хвою сбрасывают. Что ж, поживём – увидим!

Тучи разошлись. Солнышко выглянуло. Ветер улёгся. Незаметно вечер накатил. На берегу – камни: красные, розовые, зелёные. Лоцман говорит: «Яшма». Так бы смотрел и смотрел на них, на всю эту завораживающую картину: тайга первозданная, буйство красок, широта, мощь. И тишина, покой. В этой горной таинственной стране и все наши беды как-то притихают, не кричат уже так громко, как прежде, будто волшебная река голубым своим языком песок золотой лижет и всё мрачные письма с него смывает.

Сидим с Лидой рядышком у костра, таскаем к нему хворост из прибрежной тайги. И так нам хорошо, словами не передать! Лида оглядывается, видит, что никого поблизости нет, наклоняется ко мне и спрашивает шёпотом:

– Как ты думаешь, когда война кончится?

Отвечаю ей – так же тихо:

– На меня ещё в начале нашего пути по Енисею накатило. Увидел внезапно картинку: будто сидим мы с мамой вдвоём в какой-то комнате, за простым столом без скатерти. Солнце ярко бьёт в окно, а за ним по

улице мальчишки бегут и кричат во всё горло: «Победа! Войне конец!» Мама постарела заметно, да и я, мне кажется, сильно вырос.

Лида с уважением таким на меня глянула:

– Так ты же настоящий медиум!

– Ну, – говорю, – не знаю... Объясни мне, тёмному, что это такое!

– А это значит – предсказатель, прорицатель, ясновидец, – просвещает меня Лида.

Я секунду размышляю, потом прихожу к выводу:

– Нет, это не про меня! Я же не по своей воле эти видения вызываю.

А Лида уже прямо сгорает от любопытства, пристаёт:

– Но расскажи тогда хоть, как они, эти видения, к тебе являются!

– Да что тут рассказывать-то?! На пустом месте всё происходит. Никакой связи с действительной жизнью, работой или учёбой. Занимаюсь я, как и всегда, какими-то своими делами, и вдруг – словно мешком по голове бах! Тут же отключаюсь от всего привычного и вижу какие-то картинки, обычно яркие и со словами. Вот и всё!

– А можешь по заказу что-нибудь подсмотреть?

– Нет – я же сказал уже. Пробовал, к примеру, папу с Алькой пови-
дать, и ничего не получается. Значит, по заказу нельзя.

Очень Лида огорчилась. Понятное дело, очень уж хочется ей хоть что-то про отца своего разузнать. И я ей в этом, к сожалению, не помощник. Но ведь и меня самого мучает неизвестность, как там, в лагере, и папа, и Алька? Живы ли они? Ведь если у нас тут такие тягости, то им-то каково приходится в лесу, на непосильной работе?! Подумать страшно!

Скачут мысли у меня в голове, как белки в колесе: по кругу и без толку. Про белок, между прочим, я только в книжках читал, наяву никогда не видел. А здесь их, говорят, несчётно много. Тоже интересно посмотреть на них да и на других таёжных зверей вживую!

Ладно, будем ночлег обустроивать. На палубе баржи раскинем своё тряпье и попробуем согреться. Благо, комаров и мошек поменьше к ночи, холод их отпугивает и ветерок сдувает. Река только шумит-шелестит на перекате и у огромного валуна-порога, что возвышается недалеко от берега.

Перед сном вновь шепчемся с Лидой, не наговорились за день. Она – мне:

– А ты молодец, что лоцману помог баржу с детьми спасти! Да ещё Виталий большое дело совершил, он о помощи детям бога молил, и всё получилось.

Я переспрашиваю не без скрытого недоверия:

– И как же это его молитва нам помогла-то?

А Лида мне – на полном серьёзе:

– Ты пока не понимаешь этого, но он, Валентин, тут самый лучший и для спасения нашего самый главный!

Смотрю я на неё: серые глаза, высокий чистый лоб, льняные волосы. И понимаю, нет для меня никого и ничего дороже! И всем словам её верю, она правду знает и судьбу свою верно прочерчивает!

Но всё-таки крутится в голове моей и какая-то отдельная мыслишка, мелкая, скользкая, мерзкая: «А вот в школе нам говорили, что никакого такого “бога” нет и быть не может!» И словно прочитав эту мою мыслишку, Лида говорит спокойно так и ласково:

– Ты не верь тем, кто говорят, что Бога нет. Они ошибаются! Ведь ты же Его чувствуешь душой? И Он о тебе заботится, видения посылает!

Но я всё ещё в сомнениях:

– А как же Он тогда допускает, что такие беды на нас навалились: и война, и люди гибнут, как мухи?!

Лида же непоколебима в своей убеждённости:

– А это – испытание всем нам великое! Испытует же Господь тех, кого любит и кого спасти хочет для жизни вечной!

Дальше я спорить не стал: и сказать мне нечего, и спать надо укладываться, не то протрещим до полуночи, а завтра носом клевать будем за бечевою! Да ещё и в яму какую-нибудь по пути сослепу-то угодим!

* * *

Глубокая ночь. Прибрежная гора с лысой вершиной уже почти не видна. Одинокий костёр на берегу так ярко полыхает в ночной тьме. Вдали, за поворотом реки, чернеют скалы, а над ними – тяжёлое небо с грозowymi тучами. Мощь несказанная! (Die unaussprechliche Urkraft!) Красота неопиcуемая! (Die unbeschreibliche Schönheit!) Только не до всей этой красоты нам, «выселенцам»: и сил мало уже, и есть всё время охота!

Ну и ладно! Зато голова ясная-ясная! И не болит никогда! Вспомнил ещё одну русскую присказку: «Не болит голова лишь у дятла». По-немецки это примерно так будет: Kopf verletzt nicht nur den Specht...

Созерцание-3: Как дует ветер

Меня звучание ветра в печной трубе просто завораживает. Вьюжно-метельные порывы накатывают один за другим в долгую и лютую северную зиму. Тут тебе и вой, и плач, и свист... А ты лежишь себе в тёплом доме, плотненько укутавшись одеяльцем ли, тулупчиком ли, и не думаешь ни о чём. Душою («духом») живёшь вместе с этим ветром-певуном. И понимаешь, вот оно, родное тебе! Как и сама эта жизнь, какой бы она ни была, куда бы ни завела тебя, как бы ни перекрутила и ни потрепала! На улице, под открытым небом, там дело совсем другое...

А больше всего люблю я степной лёгкий ветерок, напоённый разнотравьем весной и летом; с морозящим дождём поздней осенью, когда он, ветерок, овеивает лицо, а дождик сыплет прямо в глаза, щёки, лоб, нос. И ты невольно облизываешь губы и чувствуешь вкус этого ветра и этого дождя.

Ветер в лицо! Так здорово иногда! Хочется идти и идти вперед.

4. Байкит

Август. Морошка поспела. Оранжевые и вкусные ягоды. В жизни таких не видал и не пробовал! Такие ароматные! Особенно хорошо, когда мама компот из них готовит на нашей печурке-буржуйке. Так бы пил и пил это кисло-сладкое лакомство без конца! Блаженство! (Wonne!)

А месяц назад добрались-таки мы до Байкита. Все живы. Gott sei Dank! («Слава богу!») – как мама говорит. Теперь тут обосновались. И работаем. Но Боков постоянно грозитя, что развезёт всех нас,

«выселенцев», ещё дальше на север по удалённым факториям. А там и людей-то почти нет. Одни тунгусы (они себя эвенками, «оленьими людьми», называют) со своими переносными жилищами (чумами, по-ихнему «яранами») и красавцами-кормильцами (оленьями) кочуют. В Байкит они привозят шкурки пушные (соболиные, беличьи), оленину, рыбу вяленую и меняют всё это в магазине фактории на ружья, ножи, другие охотничьи припасы (порох, патроны), иголки, нитки, соль, муку, спирт (или водку) и прочие необходимые им товары. Живут эвенки только в своих чумах (кто побогаче – в ярангах, это такой же чум, но побольше) и ничего другого не признают.

– В русские дома мы жить не можна! – говорят.

Хотя специально для них на окраине Байкита два больших деревянных барака построили ещё до войны. Но эвенки категорически отказались туда вселяться. Сейчас там высланных разместили, бывших «раскулаченных» в основном.

Мы, несколько пацанов из высланных, любопытства ради сбегали на кочевье эвенков посмотреть, когда они в факторию по каким-то своим делам приезжали. И вправду интересно! К примеру, они, эвенки, при перекочёвке детёнышей своих перевозят в берестяных люльках. Внизу туда древесную труху насыпают, чтоб ребёнку не мокро было, если вдруг описается. Самого младенца кладут сверху (если прохладная погода – в меховом тулупчике), а люльку привязывают к оленьему седлу. Олени для них вообще и главное богатство, и смысл жизни.

Хороших охотников-эвенков на фронт не отправляют, они должны пушнину добывать. Её ведь за границу продают, за это золото получают, а на него потом закупают и оружие, и многое другое, что для Красной Армии необходимо. Вот так. Чумы у эвенков (а особенно яранги) вполне пригодны для проживания и в самые крутые морозы-метели. Мне они, эти разборные конусы-шалаша, обтянутые оленьими шкурами, даже красивыми показались. А какие морды у оленей! Мохнатые, замшевые, большеглазые, толстогубые, ласковые!

* * *

Нас, шестерых подростков-«выселенцев» отправили на большой лодке вверх по течению Подкаменной Тунгуски на факторию Турама (это километров 70 водного пути). Будем там, в Тураме, целую неделю траву косить, плоты сбивать, на них сено в скирдах грузить и назад в Байкит поплывём. Уже по течению. Но до этого работы хватит с избытком, не соскучишься.

Вышли из Байкита рано утром, а прибыли в Тураму лишь к вечеру. До полудня топали по берегу, а лодку, пока течение было несильное, лошадь тащила. Потом и мы впряглись. Старшим над нашей сенокосной бригадой – старожил из Байкита. Мы зовём его дядей Андреем. Пожилой уже мужик, седой, говорит очень мало. Но видно по всему – человек добрый. Иногда выцветшими глазами своими приветливо так улыбается! И ещё хорошо то, что он – отменный рыбак: наловит нам рыбки и будет ею вся наша бригада кормиться! А то мы же худючие все до ужаса! Одни мослы во все стороны торчат.

Лошадь наша встала у каменной осыпи. Причалили лодку к берегу. Дальше дядя Андрей осторожно повёл лошадь под уздцы по прибрежным камням, а лодку потащили мы «бечевою». По пути то и дело натываемся на острые камни, они тут на каждом шагу, а мы-то все босиком.

И одежда наша вся в заплатках, изношенная, а местами и дырявая. Правда, чистая: мамы и стирают её, и штопают. Да и в воздухе здешнем, сибирском, и пыли-то вовсе нет никакой. Всё тут какое-то яркое, сочное, промытое. Так что если не работать, то ничего и грязниться не будет, даже голова.

Тут же вспоминаю: Лида провожать меня пришла в красивом таком льняном сарафанчике в полоску. Не беда, что выцветший. Так даже лучше. И очень ей к лицу!

Трава здесь, на Тураме, зелёная-презелёная, воздух удивительно чистый, никогда и нигде такого чуда не видел. Говорят только, что вечная мерзлота близко лежит, поэтому многое из того, что нам привычно, на этой земле не родится. Зато в реке, по словам дядьки Андрея, рыбы полным-полно: и окунь крупный, и щуки, и сиги с хариусами. Эх! Скорей бы дожидаться тунгусской ушицы! А ведь можно ещё и шкуру рыбью, и косточки проварить посильнее (притомить) и всё это тоже и тут же схрупать! Вкуснятина же!

Прозвище у дяди Андрея – Рыбак. Он живёт одиночкой в маленькой избёнке на берегу реки, неподалёку от Байкита. И реку от устья до истока со всеми её притоками, и окрестную тайгу знает как свои пять пальцев. Вот местные начальники и «занаряжают» его по всяким своим делам.

* * *

Байкит – поселок немаленький. По крайней мере, километров на 300–400 в округе больше его поселения нет. Это – «столица» для эвенков. На их языке означает «богатое зверями место». Для них здесь и школа-семилетка с интернатом построены. Мы с Лидой тоже в этой школе будем учиться, я в седьмом классе, она – в пятом, а её сестричка Бенилда – в третьем.

Леонора Павловна, их мама (она же учительница по специальности), ходила в эту школу, просилась принять её на работу учителем немецкого языка или математики. Отказали, не приняли: «Высланная? Нельзя! Не положено!» И кто же это так решил-то, что высланные – значит, вроде уж и не люди совсем?! Мы же все в одной стране живём, с фашистами трудом своим боремся. Всей душой, всем сердцем победы желаем Красной Армии! Как все мы радовались, когда в сводках Совинформбюро про Московскую битву и про наши победы в ней сообщали! Конечно, радио у нас нет, но газеты привозят изредка, не чаще раза в месяц.

* * *

Снова плывём. Но сейчас вниз по течению, назад в Байкит. Идём на вёслах, гребём по очереди. У меня отдых. Сиж у самого борта, гляжу в воду. Глаза сами собой слипаются. Что-то в воде посверкивает, манит, зовёт, усыпляет... Рыбак резко дёргает меня за плечо:

– Пашка, очнись! Кончай ночевать! Страхни сонную-то одурь! А не то ведь, не приведи господь, вниз головой в реку выпадешь!

Да, пригрело что-то солнышко к обеду, вот и разморило меня. А с утра такой густой и тяжёлый туман висел. И холодновато уже по ночам, дело к осени идёт. В это время Виталий-латыш рассказывает

ещё троим отдыхающим пацанам о том, как у него на родине праздник Лиго-Яно (Янов день) отмечали: хороводы, пляски, игры, костры, нарядные девушки, пиво. Ребята слушают, притихли, скучают по мирной жизни. А я вот пиво не люблю! Правда, всего один раз и попробовал-то его ещё в Варенбурге. И не понравилось – горько и невкусно, ну нисколько!

* * *

Пришло письмо с Алтая, от Ольги Васильевны. Ужасная новость – бабушка Эмилия умерла. Через неделю после нашего отъезда. Как пишут, сидела бабуля на своём стульчике целыми днями, руки на коленях и в одну точку смотрела. Ничего не ела, только водички выпивала немного на ночь. Похоронили её хорошо, рядом с дедушкой. Лето же всё-таки, вырыть могилу нетрудно.

Пишет также Ольга Васильевна, чтобы мы не беспокоились: всё, что осталось после нас и бабушки, она сохранит и вернёт нам, когда мы приедем. А когда же мы приедем-то? И куда? Если уж листок сорвался с дерева, его назад на ветку не вернуть, не приделать! Да и неохота мне больше никуда ездить! Хочется на одном месте пожить долго-долго!..

Но главное сейчас для всех нас – не пропасть вообще. Поэтому и живём мы с мамой одним днём. День этот прошёл и слава богу! (Gott sei Dank!)

Созерцание-4: Как растёт трава

Весной начинает травка зеленеть, и сердце у меня при виде этой молодой зелени учащённо бьётся и ёкает. Отчего – не знаю, не ведаю. Может быть, это мою веру в жизнь как-то укрепляет? Ведь только появившаяся трава, она – нежная, мягкая, сочная, как ребятишки малые. А потом она матереет, становится высокой, густой, сильной. И сколько оттенков зелёного, изумрудного, голубого, синего!.. Ни один художник не сможет на холсте всё это богатство передать!

А какие запахи, ароматы, благовония! Потрёшь между пальцами травинку, к носу поднесёшь, и нахлынет что-то близкое, родное, такое, что кровь в жилах отзовется на это пахучее великолепие. И какое-то своё родство и с этой травой, и с этим небом, и с этой землёй начинаешь острее осознавать. И понимаешь, что ты – тоже как эта вот трава: и топчут тебя, и рвут, и под косилку пускают. А ты наперекор всему живи!

Но помни при этом, вечно расти невозможно. И пробиваться вверх, к свету, как трава, надо в ночной тиши, когда всё вокруг притаилось, присело, прислушалось, а затем вдруг взметнулось ввысь одним мощным и резким рывком. Вот так и люди пробивают преграду над головой. Ведь каждый из нас сам себе потолок устанавливает. А на самом-то деле потолка этого не существует: иди, расти, пробуй!

Но как ты узнаешь, на что способен, а чего не можешь, если не попробуешь этого сделать?! То-то и оно – под лежачий камень вода не течёт!

5. Школа для эвенков

Декабрь. Снег здесь рано ложится. Зимует... Нам с мамой дали для жилья отдельную будочку. Совсем небольшую: полати, столик и печка-«буржуйка». Потолок очень низкий, мама даже выпрямиться не может, головой в него упирается. Да и я тоже вымахал, скоро маму перерасту. Печка, конечно, маленькая. Зато натопить её легче. И пока она топится, в комнатухе нашей тепло, благодать! На улице-то морозы трескучие. А дров мы с мамой вдвоём достаточно наготовили-напилили, на зиму должно хватить. Хотя зимы-то здесь длиннющие.

Лида с мамой и сестрёнкой недалеко от нас живут. Их в гримёрке местного клуба разместили. Там тоже «буржуйка» есть. Каждый день мы с Лидой в школе встречаемся и наговориться не можем. Я уже всё-всё про неё знаю, а она про меня.

* * *

Всех высланных занарядили в местную рыболовецкую бригаду. наших мам тоже. А командует всем и всеми здесь всё тот же Боков. Живёт он в отдельном домике на окраине Байкита, но бывает там редко, больше по окрестным факториям мотается, где тоже высланные находятся. При редких встречах от него всегда винным перегаром отдаёт. «За воротник шибко закладывает», – так дядька Андрей говорит. Нам, малолеткам, старшие запрещают даже в переулочек к боковскому домику заходить. А сам он, Боков, каким был, таким и остаётся – злой, грубый, жестокий. К примеру, мамы рыбу ловят и ловят, нормы выполняют и перевыполняют, а он им строго-настрого запретил хотя бы по рыбке брать на еду себе и детям, а уж варить тем более. Приходится ухищряться всячески: под брюки рыбёшку мелкую прятать, прямо сырой её есть. Правда, местные-то рыбу варят, и сколько душе угодно, а иногда, если начальство не видит, и с нами делятся. Добрые люди, спасибо им!

Между прочим, таких сомов, как здесь в прорубях ловят, я в жизни не видел. Хотя они и в Волге водятся, но таких чудищ там нет. Я специально ходил смотреть: изумление просто, огромные усачи! Ну натуральные брёвна, толстушие, здоровенные!

А вообще-то живём впроголодь. Мне по хлебной карточке иждивенца всего 400 граммов хлеба в день положено, маме – 600: она работница всё-таки – «рыбак». Тут не зажируешь. Мама одной из местных наших соседок (тёте Клавде, с которой вместе рыбачит) помогает иногда по хозяйству управляться. А та маме за это варёную рыбу даёт. Изредка и тайком. Поймают нас за поеданием этой рыбы, могут и в лагерь отправить. Как папу с Алькой.

* * *

Вспоминаю лето! Хорошо в июне. Можно голод постоянный как-то подножным кормом приглушить. Ходим с Лидой на скалы у самого поселка. Там можно, вниз спускаясь, дикий лук и чеснок щипать. Как две козочки пасемся. Хорошо, что маленькие березки тут есть, а то бы давно вниз загремели с этих откосов. А потом бежим дальше пастись в лес ближний: корешки трав ищем и молодые березовые листочки жуем (как здесь говорят, жубряем). Рассуждаем, где бы нам лебеды найти побольше.

В июле еще лучше: голубика, пусть незрелая, налилась. А в дальнем кедровнике за ущельем и черника есть уже. Сходим на «промысел» в лес и назад по тропочке домой. Дни текут быстро, как вода в Тунгуске у Больших Порогов – ключом.

* * *

Зима! Дело другое. Время тихо шелестит. Чем мороз сильнее – тем время медленнее. Это вам не в Европах! Хожу в школу где-то с половины сентября. Только вот с одеждой дело совсем швах. Пальтишко на мне тоненькое, а мороз – под 30 градусов. Пробирает до костей!

По пути в школу захожу за Лидой в клуб. И что же вижу? Весёленькая картина: сидят они с Бенилдой на своём топчанчике и во всё горло песни распевают! Лида и мне предлагает:

– Пауль, давай с нами, подхватывай!

А песня про русско-японскую войну. Её, эту песню, Бенилда недавно в школе услышала, запомнила и нас обучила. Вот теперь и поём все вместе хором:

Синее море, красный пароход.
Сяду, поеду на Дальний Восток!
На Дальнем Востоке – там пушки гремят,
На поле солдатики убитые лежат!

Мама будет плакать, слёзы проливать,
Папа поедет на фронт воевать...
Музыка играла, барабаны били,
Барабаны били – папу хоронили.

Но не грустно нам – ну нисколько! Весело поём! Здорово! И настроение поднялось! В ладоши хлопаем, по перегородке деревянной стучим, всё равно же утром в клубе никого нет!

Кончилась песня. Отдышались... Бенилда – худенькая, всегда бледненькая такая, почти прозрачная насквозь. А тут раскраснелась, разошлась:

– Давайте, – говорит, – ещё одну песню споём! Мы её тоже с девочками в школе пели:

Васильки, васильки –
Много синее их в поле.
Помню, у самой реки
Мы их собирали для Оли...

– Ну нет! – надулась Лида. – Это уж совсем малышовая песня! Да и в школу пора!

И в приподнятом настроении отправились мы в школу, все вместе, втроём.

* * *

Во всём Байките лишь один дом в два этажа – райисполком. Там местные начальники сидят. Но они своими, вольными, командуют. А нами распоряжается только Боков. Лицо у него красное, щёки толстые, глазки маленькие и злые. Как уставится он ими, все люди сразу

замолкают. Квадратный он какой-то и всегда над нами нависает. И возмущать ему никто не смеет, себе дороже. Ну да ладно, даже думать про него не хочется!

У школы в посёлке два деревянных одноэтажных здания. В одном учебные классы, в другом – интернат. Сегодня у меня первый урок литература. И такой хороший учитель Солодовников Василий Николаевич! Старый, голова вся белая уже (мы так и называем его – Седой). Он ещё в начале тридцатых годов здесь оказался. Говорят, Петербургский университет окончил. Ух ты! Вот бы и мне на этот университет посмотреть, хоть одним глазком! Это же, наверное, храм настоящий науки, большой, светлый, чистый! Там всегда тепло. И солнца много!

Рассказываю Лиде об этом. Она согласна. Только добавляет: «И там никто не кричит. Все вежливо, ласково друг с другом говорят. И улыбаются!» А в школе холодно. Печи по ночам топят, но днём всё опять промерзает, даже к вечеру чернила в лёд превращаются. Так что пишем мы карандашами на старых книгах и газетах.

* * *

Уже почти дошли до школы. Вдруг какой-то гул. Вверху. Смотрим на солнце: маленький самолётик нам крыльями машет, садиться будет. Вот повезло так повезло! Самолёт-то сюда только дважды в год прилетает: один раз зимой, а другой – летом. Весной и осенью ему не приземлиться, опасно – топь сплошная. Ну, конечно, всё население Байкита высыпало на улицу, руками машут, радуются. Все бегут к берегу, самолёт ведь на льду садиться будет, там, где маленькая речка Байки-та в Подкаменную Тунгуску впадает.

Прибежали и мы. А самолет уже сел. Лётчики обедать ушли. Из самолёта всё, что он привёз, выгружают. Потом начали в него же отправляемые грузы и почту размещать. И я думаю про себя: «Ура! Значит, и наши письма родным улетят сегодня. А может, и нам от них весточки пришли?»

Однако так и на уроки-то можно опоздать! Теперь бегом в школу! Но получается плохо, особенно у девочек, сил-то совсем мало. Запыхались. Но успеваем прямо перед звонком. И ладненько! Тем более что урок-то – Василия Николаевича, а мы так его любим! Он объясняет всё как-то спокойно, с душой, от себя. Дети же разные: и наши немцы, и латыши, и эвенки, и русские. И Седой по глазам видит, если кто чего-то не понял. Медленно слова повторяет. И говорит:

– Не стесняйтесь, ребятки, поднимите руку, если какое-то слово вам непонятно! Всё понятно? Нет, вы прочитайте ещё раз, про себя, а затем скажите, если всё-таки то или иное слово не знаете!

А как он русскую поэзию знает! И любит! Это просто удивительно! (Erstaunlich!) И нас с Лидой к этому приустраслил. Иногда мы всем классом одно четверостишие пол-урока читаем и разбираем. Каждую строчку подробно расшифровываем. Седой улыбается. Говорит: «Это – техника так называемого медленного чтения».

Мы с Лидой оба легко стихи запоминаем и потом вслух друг другу читаем. И какая-то светлая волна от этих стихов нам передаётся и нас просто оживляет, вверх устремляет от всего тоскливого и серого вокруг. И чего только он, Василий Николаевич, с нами не изучил и по программе и вне программы! Вот, скажем, классическая литература. Мы все, даже самые ленивые, рты пораскрывали, когда он нам несколь-

ко уроков подряд «Слово о полку Игореве» наизусть читал, причём на древнерусском языке. И все-все слова по порядку объяснял. А потом – Державин, Пушкин, Лермонтов! Державинскую «Фелицу» заставил нас наизусть учить! Мы, конечно, ворчали, даже ругались, но ведь выучили!

Интересно всё же, а как он, Седой, в Байкит-то попал? Посёлок только в 1927 году создан. Скорее всего, он, любимый наш учитель, тоже из высланных. Но спрашивать об этом здесь не принято, так что пока мы ничего достоверного о многих местных людях, в том числе о наших учителях, не знаем. И вряд ли узнаем когда-нибудь.

Помимо литературы Василий Николаевич много чего и другого нам рассказывает. Ну, к примеру, о том, что не больно далеко (по сибирским масштабам) от здешних мест («всего-то» за несколько сот километров) ещё до революции упал знаменитый Тунгусский метеорит. Один эвенк (из байкитских) оказался тогда поблизости. Он жив, хотя ветхий старик уже. Василий Николаевич его расспрашивал, но тот молчит, как рыба. Только трясётся от страха, когда вспоминает об этом «духе-великане огненном»: глаза безумеют, закрываются, а сам в забытьё впадает...

Говорят, там, в районе падения метеорита, на сотни километров тайга повалена. Интересно, что же это всё-таки было? Может, марсиане прилетали, да у них космический корабль сломался? Ну, как в романе Герберта Уэллса. Поделится этими своими предположениями с Лидой, а она сказала, что я «просто глупый».

– Не надо придумывать всякую ерунду, – говорит, – когда можно всё объяснить более очевидными причинами. Скорее всего – это метеорит.

Я ничего на это не ответил. Но про себя подумал:

– Так-то оно так... Да всё же, кто его наверняка-то знает!

Вообще-то у Лиды удивительная склонность к математике. Это у неё, скорее всего, от мамы. Она, Лида, всё, что учительница им в школе задаёт, как-то по-своему решает, другим путём. И в конце концов у неё всё правильно получается. Учительница, Мария Филипповна (по прозвищу Гипотенуза, высокая она и худая очень), хвалит её за самостоятельность. Я видел пару раз, как она Лиде объясняет:

– Вот так решай эту задачу!

А та возражает и делает всё опять по-своему. Гипотенуза ей вновь, не повышая голоса:

– Вот так – лучше!

Очень терпеливая она, всегда ласковая и добрая, никогда не кричит.

Лида говорит:

– У меня от Марии Филипповны какое-то доброе чувство в груди!

А однажды мы к ней домой ходили за учебником по математике, она сама велела Лиде зайти. Живёт Гипотенуза в будочке, примерно такой же, как и у нас. Дверь хлипкая, а проём плотно какой-то старой шкурой (на медвежью похожей) завешен. Но в комнатухе тепло-тепло: печка-«буржуйка» топится. Мария Филипповна морковным чаем нас напоила, она как-то по-особенному морковь сушит и заваривает. Действительно, очень добрая она!

Почти все учителя у нас хорошие. Вот только физик (у него кличка школьная – Монгол, похож очень: волосы смоляные, глаза – чёрные, узкие, раскосые). Он спирт выпивает, который ему для учебных опытов выдают. А ведь только один раз хоть какой-то опыт для нас устроил: «прямолинейное распространение света» называется. Выбрал

солнечный день, занавесил окна в классе, но в одной шторе оставил узкую щель. Затем достал несколько клочков мха, из того, что лежит между двойными оконными рамами, раздал эти клочки нам, мальчишкам, и велел:

– Закуривайте!

Ну, мы задымили вовсю. А в дыму стало видно, что луч света и в самом деле по прямой идёт. Вот и весь «опыт».

И ещё как-то не по душе нам историчка Елена Антоновна. Ей лет сорок уже. И какая-то она бессердечная, что ли (unherzig). И прозвище у неё соответствующее – Хаммурапи. Вот, например, рассказывает нам она про гибель царской семьи в Свердловске (тогда он Екатеринбургом назывался) и говорит:

– Их неизбежно надо было казнить. Всех, даже детей! Иначе война ещё дольше бы шла!

Мы, конечно, молчим все, никто не возражает. Но про себя многие, как и я, думают: «Как же это так, детей убивать?! Ради чего? Чтобы война короче была? Но ведь дети-то не повинны ни в чём!»

А ещё нам рассказали местные, что за пару лет до войны в Байките здание школьного интерната (для учеников-эвенков) ночью сгорело дотла, и много детей тогда в огне погибло. Мы и спросили об этом Елену Антоновну. И что же? Она заметно обозлилась, нехорошо как-то на нас посмотрела и пробормотала что-то вроде:

– Ох уж эти выселенные!

Думала, никто не услышит. А вслух нам объявила:

– Никакого пожара не было! Это всё злобные выдумки!

И все дела.

Или на днях вот. У нас урок истории. Сидим тихо, ждём Елену Антоновну, она почему-то опаздывает. Через несколько минут входит взволнованная какая-то. Даже указкой по столу громко треснула, когда Петька Чернышов на задней парте («камчатке») сумку свою на пол уронил. Мы вообще замерли, ой, что-то будет? А Хаммурапи вдруг начинает торжественно вещать, только носик её острый подрагивает:

– Ребята! Сегодня, в день рождения нашего великого вождя и учителя всего человечества товарища Иосифа Виссарионовича Сталина, я вам расскажу про его туруханскую ссылку!

(Я про себя думаю: «А у нас разве тоже Туруханский район? Или Байкитский? Или другой какой? Не знаю, стыдно!»)

А Хаммурапи продолжает и ещё более торжественно:

– Борясь за счастье всего трудового народа, товарищ Сталин был сослан в наш Туруханский край. И какое же это счастье, что мы с вами тоже находимся здесь, в этом крае, где был лично сам великий вождь!

(Все ребята затаили дыхание. Даже самые озорные не хмыкают, боязно! И потом, ведь товарищ Сталин действительно наш великий вождь. Тут и разговора быть не может!)

– В начале 1914 года, – повествует нам Хаммурапи, – товарища Сталина вместе с товарищем Свердловым отправили в село Монастырское, что ниже по Енисею. Но царизм так боялся нашего великого вождя, что его сослала ещё дальше на север, в деревню Курейка. Зима там длится девять месяцев, не растут ни хлеб, ни овощи

(Опять про себя замечаю: «Ну, хлеб-то и у нас здесь, в Байките, не растёт. А зима как долго тут длится? Уж никак не меньше восьми-то месяцев, наверное. На уроке географии нам рассказали, что здесь, по

Тунгуске, как раз проходит южная граница вечной мерзлоты. Она, эта мерзлота, довольно глубоко в земле пролегает. Потому в этих краях можно даже картошку садить. Но всё равно, мерзлота никогда не тает, а значит, и землянки глубоко рыть нельзя, в лёд упруешься.)

А рассказ Елены Антоновны дальше течёт, ну как державинская ода, только в прозе, и в глазах у неё блестят слёзы умиления:

– В этой деревне наш вождь сам сделал все крючки и прочие снасти для рыбной ловли. И сам ловил рыбу в Енисее!

(Ну вот, наши мамы, оказывается, тоже, как и великий вождь, рыбу добывают. Только не для себя, а для Красной Армии, чтобы бойцов на фронте кормить. А ещё интересно, присматривал ли за товарищем Сталиным какой-нибудь там царский Боков? Но такие вопросы только при себе оставлять надо, иначе плохо может быть. И даже очень.)

Как-то быстро этот урок пролетел, и какое-то странное от него чувство осталось, будто с чем-то непонятым столкнулся. И неприятным...

Но всё равно, учиться в школе – это замечательно! Мне здесь всё нравится, даже медный колокольчик, с которым истопник ходит и звонит в коридоре: дзынь-дзынь, трень-брень! И все ребята высыпают с урока, куча-мала, галдёж оглушительный! И среди них мы, семиклассники, самые старшие и самые большие. Школа-то – семилетка, а мне уже пятнадцать лет совсем скоро будет, в январе.

На уроках русского языка Лиде приходится туговато. Но она справляется и не хуже многих русских ребят. Вот недавно у них, в пятом классе, контрольный диктант проводили. А многие же ребята как слышат, так и пишут. Так и соседка Лиды по парте, Анна, не зная, как два одинаковых слова написать с одним «н» или двойным (это суффикс такой), взяла и накарябала в первом случае одно «н», а в другом – два. Ох, и отругала же её учительница и пару поставила! Это вам не Василий Николаевич! А Лида всё правильно написала. Молодчина! Умница! «Усердые и труд всё перетрут» – про неё эта русская пословица.

* * *

Ладно, уроки кончились, идём по домам! Я тащу сразу две сумки: свою самодельную (мама из рогожи смастерила) и Лидину холщовую. Груз не тяжёлый. Ничего-то у нас нет – «голь перекатная». Да нам и не надо, лишь бы рядом быть! «Ага!» – согласно кивает мне Лида. И улыбается. Солнышко моё!

В Байките и библиотека есть поселковая. Мы с Лидой постоянно туда навещаемся. Я беру «Всадника без головы» Майн Рида, любимого своего Жюль Верна, а Лида – Виктора Гюго, Некрасова, Гоголя. И вот как-то библиотекарша (а она тоже из высланных) сама предложила Лиде одну книжку, о финской войне. Ну, там про подвиги Красной Армии. Книжку эту какой-то наш офицер сочинил. Лида прочитала и спрашивает меня, что ей библиотекарше-то сказать. Очень уж книжка такая – сомнительная, что ли... Я говорю: «Если сомневаешься – лучше ничего не говори!»

Пришли мы в библиотеку. Приняла библиотекарша от Лиды книжку и спрашивает: «Ну как – понравилось?» А Лида молчит. Да твёрдо так! Тогда женщина (неглупая, видно) отвела глаза и в свою каморку за книжные шкафы удалилась. И мы ушли – не прощаясь.

Не обмануло меня предчувствие, когда самолёт-то прилетал: пришло письмо от Альбина, наконец-то! С Алтая переслали. Он, Алька, молодец: выжил-таки в лесном лагере! А вот папы больше нет, погиб! И словно какая-то струнка у меня в душе лопнула... Но я себе даже с Лидой горевать не разрешаю, не хочу этим ни с кем делиться! Да только слёзы всё же целыми днями в глазах стоят. Не думал, что они у меня так близко. А мама словно окаменела после известия о папе. Молчит, всё делает механически, на вопросы не отвечает...

Ну вот, пришла беда – отворяй ворота!.. Но обо всём по порядку. Итак, сидим вечером мы с мамой, печурку топим, болтушку из горстки муки в жестяной чашке варим. Вдруг распахивается дверь и вваливается в нашу будочку Боков. Собственной персоной, без стука, бесцеремонно, нагло. Огромный, в новом белом овчинном полушубке, в шикарных меховых унтах. Еле втиснулся в нашу каморку, всё в ней заслонил.

Мы, ясное дело, аж оторопели, напряглись, чего доброго от него ждать не приходится. Так оно и есть. Обвёл он нас своими глазами-буравчиками и говорит приказным тоном:

– Завтра с утречка надо всем вам, выселенцам, ехать дальше на север в факторию Ошарово!

Мама ещё больше побледнела и спрашивает:

– Зачем? Мы уже привыкли здесь.

– Это приказ! – пробурчал Боков. – Не обсуждается!

И вывалился из нашей будчонки, дальше потопал.

А мы остались, как в воду ледяную опущенные. Декабрь ведь на дворе! Как ехать-то?! Для меня одно ясно, маму я не оставлю такую несчастную и безразличную ко всему! Даже думать об этом недопустимо! Но это значит, накрылась моя учёба: в Ошарове же только начальная школа. Ну и бог с ним со всем!

Побежал к Лиде. У них Боков тоже побывал уже. Всего же человек тридцать он повезёт завтра в северную факторию. Это плохо, хуже некуда! А Лидина мама – молодец! Она решительно так сказала Бокову:

– Свою младшую девочку я оставлю здесь, в интернате для эвенков!

Боков бубнит по-своему:

– Запрещаю! Категорически!

А Леонора Павловна – ему:

– По сталинской Конституции все дети имеют право на школьное образование!

На это у Бокова возражений не нашлось, против Сталина не попрёшь!

Так что Бенилда отправится утром в интернат. Ей там и раньше нравилось. Она особенно любит смотреть, как девочки-эвенки после школы серьёзным делом занимаются: бисером унты меховые вышивают часами напролёт! Теперь вот и сама попробует. Ну а мы все поедем завтра с утра на оленях и к чёрту на рога! Ехать не близко, больше 200 километров. По пути будем в охотничьих заимках ночевать. Среди нас немцы и латыши, женщины и дети. А мужчин в наших семьях давно уже нет. Опять вспомнил папу, и сердце дрогнуло... Но расслабляться нельзя: держи себя в руках, Пауль Клейн!

*Созерцание-5:
Как падает снег*

Выйдешь иногда зимой на улицу и видишь: лёгкие снежинки скользят в воздухе, словно исполняют замысловатый танец, как балерины в Большом театре. Снежинки кружатся и вокруг своей оси, и вокруг земли, скользят по упругому воздуху то быстрее, то медленней. Иногда их даже лёгкими порывами ветра относит в сторону. Но они, так легко и свободно танцуя, всё же неуклонно и неизбежно приближаются к земле, к снежным сугробам, на которые (и это очевидно) им вовсе не хотелось бы садиться.

Вот и наша жизнь среди других людей: она – такой же нескончаемый от рождения до смерти танец. Сталкиваемся, отшатываемся... Относит нас ветром в сторону... Но, может, и в каждой судьбе людской такая же красота сокрыта, как в этом пути снежинки с небес – на землю?

А поразительная гармония идеальной шестигранной формы каждой снежинки! Стоит иногда лишь взять и дождаться, когда такая снежинка упадёт тебе на ладонь, и посмотреть, как медленно-медленно проступают черты неземной и неспешной красоты при таянии этой небесной посланницы. Набухают, а затем исчезают все линии и углы. И вот на ладони остаётся лишь крохотная капелька воды вместо гордой и нежной красавицы...

А что же останется после нас? И на чьей ладони суждено всем нам приземлиться?

Wie ist das klein, womit wir ringen,
was mit uns ringt, wie ist das groß...
(«Как мелки с жизнью наши споры,
как крупно то, что против нас...»)

6. Ошарово

Поднялись рано. Часов у нас нет, так что время по луне определяем: ночь, утро и вечер. Светлого-то дня сейчас, в конце декабря, всего ничего.

Оленьи упряжки должны у школы стоять часам к девяти. Школа-то в низине, недалеко от реки. Вот мы по льду и поедем. Лучшей дороги, чем замёрзшая река, зимой в этих краях не придумаешь. Да и других вариантов нет никаких. Так мама говорит. Она за то время, что с местными женщинами в одной бригаде проработала, много чего уяснила от них про здешнее житьё-бытьё.

Я к Лиде сразу побежал. Они уже тоже на ногах, все вещички увязали. А Бенилда со своим узелком в интернат уходит, она ведь здесь остаётся. Лида мне тайком, смущаясь так, листочек в руку сунула:

– Почитай! Я стихотворение утром сегодня сочинила. Только вот на латышском оно. Но я специально для тебя на русский перевела. Правда, в спешке, кое-как.

Я глянул. Ух ты! Красотища-то какая! Ещё раз про себя уже в коридоре прочёл:

Тунгус на горé песню поёт.
Не пой, мне завтра в путь.

И лодка причалит там,
Где кровя для меня не будет.

Но не грусти:
Ведь луна на небе
Везде
Светит одинаково.

А листочек пахнет так приятно, как у нас, на Волге, полынь степная! Это от Лидиных рук, наверное, сухих и бледно-розовых. Говорю потом Лиде:

– Да это даже получше будет, чем у Некрасова!

Она смеётся. Но по всему видно, рада, что мне понравилось!

Прибежал назад. Притащили с мамой наши пожитки к школе. Там уже и олени упряжки появились. Всего набралось восемь санных упряжек. Холод ужасный, градусов 30, не меньше. А у нас только пальтишки худенькие. Хорошо, что мама где-то кусок брезента раздобыла, прикроемся хоть немножко. А вот у Леоноры Павловны и этого нет.

Явился Боков, распределил нас по возницам. К каждому лишь двоих. Больше нельзя, олени не потянут. И вот возница, к которому Лиду с мамой посадили, посмотрел, посмотрел на них и сказал что-то Леоноре Павловне. Она головой покачала: нет, мол. Он лишь укоризненно по бокам руками хлопнул. А потом снял себя верхний овчинный тулуп (у него их целых три надето) и набросил на Лиду. Хватило и Леоноре Павловне хотя бы до пояса укрыться. А у Лиды так вообще только нос наружу торчит. Мы тоже кое-как утеплились брезентом да тряпьем всяким. Ну и поехали...

Сначала мне очень холодно было. Но в упряжке же укачивает. И вдруг мне так тепло-хорошо стало: волны ласковые куда-то понесли, звоночки в ушах запели. Очнулся и понять не могу, чего это мама тормошит меня:

– Не спи, сынок! Замёрзнешь ведь! И сам не заметишь как!

Остановили упряжку. На пару с возницей давай мне руки-ноги тереть. И вновь мне холодно стало. Но уже терпимо. Я приноровился: как бы внутри себя ворочаюсь, мышцы напрягаю, на остановках хожу-семеню-подпрыгиваю вокруг упряжки. Да и валенки всё-таки спасают: мама их и мне, и себе незадолго перед отъездом из Байкита на какие-то остатки наших вещей выменяла. Хоть старенькие, латаные и подшитые, да вот и пригодились. А без них мы без ног могли бы остаться! Запросто!

Сбегал к Лиде. Ничего, живёхонька! Под тулупом съёжилась и маму сово спрашивает:

– Почему же ты только ноги под тулуп спрятала?

А та отвечает:

– Да мне не холодно, доченька!

Ага, «не холодно»! Пальтишко-то на ней на рыбьем меху. Просто тулупа на двоих не хватает. А Лиду она жалеет. И бережёт пуще собственной жизни!

* * *

Кое-как добрались к вечеру до охотничьей заимки-избушки на берегу реки. Боков выбрался из саней и объявляет:

– На сегодня – баста! Здесь ночевать будем!

Мы и радёхоньки. Бросились в избушку. Там хорошо: пол и стены бревенчатые, печка. У потолка подвешены кусочек оленины и мешочек с крупой. На полу, у печки – сухие дрова и спички.

Мама с Леонорой Павловной сразу же печку затопили и пошли ещё дров напилить, чтобы после нас осталось и другим людям. Так здесь, в Сибири, принято, суровая жизнь научила. Крупу мы не тронули, а большой котелок снегом набили, воду оттаявшую вскипятили, оленины туда настрогали. Выдали нам по куску мёрзлого хлеба. И пили мы мясной бульон, и закусывали его хлебом, и такое испытывали при этом блаженство, словами не выразить! На улице метель, а в избушке тепло стало. Все размякли...

И после ужина тётя Амалия (тоже из поволжских немцев, мама Адьки, моего приятеля в Байкитской школе), набравшись храбрости, вдруг обращается к Бокову. (А он сидит на топчане у печки, курит, глаза осоловели: водочки с собой прихватил и принял свою порцию.) Так вот, тётя Амалия и спрашивает:

– Скажите нам, пожалуйста, товарищ комендант, зачем нас всё-таки в Ошарово везут?

Боков встрепенулся, головой помотал, чтоб пьяную одурь отряхнуть, и отвечает (и надо сказать, по делу, в основном):

– Ну, ещё в начале нынешнего лета было принято решение Красноярского крайкома партии о создании колхозов из выселенцев в необжитых местах на крайнем Севере. Сам секретарь крайкома товарищ Черненко совещание по этому вопросу с нами проводил. Надо увеличивать заготовку сена и добычу рыбы для победоносной нашей Красной Армии. А тут места для этого самые благодатные, богатые. И вам, дуры вы нерусские, повезло, что вас в Ошарово, а не в Агапитово, скажем, или в какую другую приполярную тмутаракань посылают!

– А где оно, это Агапитово? – не унимается тётя Амалья.

– А это – остров на Енисее. У Полярного круга почти, – уже раздражается Боков. – Туда многих из вашего брата на баржах летом ещё сплавили. И жизнь там у них, откровенно скажу, далеко не сахарная. С вашей и сравнивать нечего. Так что, как говорится, держитесь за своё, делайте, что велено, и не чирикайте!

Снова молчим все. А Лида (мы, как всегда, рядышком устроились) мне на ухо шепчет (на полном серьёзе и тревожно так):

– Пауль, а медведи здесь водятся? Могут они на нас напасть?

Я улыбаюсь про себя, а сам-то ведь тоже об этом спрашивал у нашего старика-возницы. Он рассмеялся в ответ:

– Да ты что, парень? Они же все сейчас спят в берлогах своих. Бывают, правда, и шатуны, но это редко очень. Так что не бойсь!.. Хотя был случай позапрошлым летом, в июне, кажись, голодный медведь в Байкитскую школу забрёл. Дверь была открыта настежь, вот он и любопытствовал. Ну, для ребятишек-тунгусов этот зверь не в новинку. Зашумели они, загремели в тазы да вёдра. А что делать, ружья-то под рукой нету. Но мишка и без того испугался и дёру дал. Только его и видели!

Вот эту байку возницы я Лиде и пересказал. И вроде успокоилась она. Улеглись вповалку на полу избушки. И сразу отключились все, забылись мертвецким сном. А к утру метель стихла. Потеплее стало.

Ехали ещё три дня. Ночевали в таких же избушках-заимках. Наконец, прибыли в Ошарово. Боков объявляет: «Фактория Сталино. Будете здесь в клубе жить». Ну, в клубе так в клубе, не привыкать. А там – холодище! Сгрудились мы все полтора десятка человек в одной большой комнате, давай печку топить, углы свои обустраивать.

Меня назначили «главным истопником»: слезу за печкой, чтоб дрова возле неё не переводились. Заметил, жарче всего лиственница горит. Только пилить и колоть её замаешься. Это не дуб, конечно. Но откуда же здесь дубы-то возьмутся? Не выжить им при таких-то холодах да на вечной мерзлоте. Эх, на Волгу бы сейчас!

Спрашиваю маму:

– А почему нас по отдельным домам не селят? Есть же здесь такие, вон почти три десятка избушек в фактории.

А мама отвечает:

– Так нас ведь весной, в мае, наверное, дальше повезут, в какую-то Мирюгу. Потому и обустраиваться нам по-серьёзному не стоит!

Нас с мамой оформили пильщиками дров, они всем нужны, а нам за это хлеб по карточкам выдают. Да ещё мы и местным дрова пилим, а они с нами за это в основном картошкой расплачиваются. Словом, жить можно. Лида с Леонорой Павловной тем же занимаются. А остальных наших сожителей опять рыбаками занарядили в местную бригаду.

Живём мы в клубе общиной: одиннадцать немцев (большинство из Поволжья) и четверо латышей, точнее латышек. Питаемся из общего котла. И хотя Боков снова запретил нам пойманную рыбу есть, наши рыбачки как-то ухищряются приносить помаленьку то щучку, то сомика небольшого. Ясное дело, варится и поедается это только тайком.

Зима тянется медленно, как время в Библии. Дедушка покойный читал нам иногда в праздники по-немецки и понемногу. Там, в Библии, всё такое огромное, как и в русских былинах, между прочим. Вот и здесь, на южной границе вечной мерзлоты, время как-то истончается, что ли. А «видений» у меня почему-то больше нет никаких!

Как мы радовались все, когда в марте пришли известия о победе под Сталинградом! Газеты сюда раз в месяц привозят на оленьих упряжках. Вот так и победа к нам приехала!

У Бокова под началом, кроме нас, ещё один «колхоз для высланных». На озере Оморо. Там тоже рыбы много. Но добираться туда не близко, километров 200 будет. И он, Боков, частенько в этот «колхоз» выезжает. А когда нет начальства рядом, и нам полегче немного. Местные же («аборигены!» – вспомнил из Жюль Верна или Фенимора Купера) нам сочувствуют, жалеют даже. Здесь же только старики да женщины с малыши детьми остались.

А когда известия про победу под Сталинградом пришли, Боков выдал всем нам «ударный паёк». Так и сказал: «В честь праздника!» Мы прямо глазам своим не поверили: на каждого по полкило муки, по 200 граммов сахара и по кусочку сливочного масла. Настоящего! Это же пир-

шество! Как все возрадовались, заулыбались! Оказывается, совсем не много нужно человеку, чтобы почувствовать себя счастливым! Многие впервые за долгие месяцы поверили, что выживут. А надежда – она ведь любые стены и двери, даже каменные и чугунные, сокрушить может!

* * *

Белого дня тут, на Севере, даже в начале весны маловато, конечно. Но всё равно светлое время прибавляется потихоньку-помаленьку. А потом, когда снег сходить начал, принялись мы с Лидой в тайгу набегивать, корешки разные съедобные искать (местные этому нас научили), какие-то вытаявшие прошлогодние чёрные ягоды собирать, мягкие, но сладкушие! Наедались ими от пуза! А вот с собой их принести не получается, давятся прямо в руках, в кашу-кисель превращаются. Жалко, мамам их не попробовать! Ну да ничего, скоро уж и дикий лучок появится, и черемша, и другая съедобная зелень. Словом, перезимовали, можно сказать!

Чувствую, внутри меня растёт что-то, в стенки руками упирается, жизнь вокруг как бы локтями раздвигает. Никто вокруг этого не замечает, даже мама. Она вся в работе да в заботах, как нам с голода не пропасть? Одна Лида иногда странно так на меня посматривает и странные вопросы задаёт:

– Каким нынче лето будет?.. Не знаешь, когда Бокова сменят?.. А ты на кого бы хотел учиться?.. Если бы у тебя власть была в стране, что бы ты сделал?

Ну, и всякое другое в том же роде. Теряюсь, не знаю, что и отвечать. Отговариваюсь наобум:

– Верить никому нельзя! И язык держать за зубами надо! Не то закачают и подальше Агапитова!.. А лето будет хорошее, выживем, хоть и с трудом!.. Когда власть получу, вот тогда и думать буду, что мне с ней делать!

И правда, насчёт лета у меня нет какого-то плохого предчувствия. Тут примета верная, когда опасность для жизни угрожает или недобрый человек близко, у меня волосы на затылке сильнее топорщатся и мурашки по коже бегают. Это не страх, это – предвидение. Между прочим, давно уже из слегка рыженькой стала моя шевелюра светло-золотистой. Даже седая прядка над ухом (память с Алтая) почти не заметна. Мама говорит:

– Совсем обрусел ты, сынок! Из почти шатена в настоящего блондина превратился!

Ну и что? Хорошо это или плохо? Спросил об этом Лиду. А она опять:

– Глупый ты, Пауль! Разве в этом дело!

Я ей:

– А в чем же?

А она мне:

– Подрастёшь – поймёшь!..

Вот ведь какая!

* * *

Я русские поговорки, пословицы, прибаутки по-прежнему ужас как люблю! Они, словно камушки драгоценные, речь украшают,

как бы расцветивают её. И запоминаются легко, сами в голову заскакивают, стóит только разок услышать. И не забываются потом никогда и нипочём. А названия некоторых рек, сёл, деревень! Их же так сладко во рту перекачивать, словно камешек гальки, гладенький, ласковый!

Созерцание-б: Как плывут облака

Растянешься плашмя на стерне в редкий перерыв напряжённого сенокосного дня, короткие жёсткие былинки скошенной травы покалывают тебе спину, ноги, затылок... А в ясный летний день высоко в ослепительно голубом небе плывут куда-то над тобой облака: белые, кудрявые, добрые, нарядные, словно праздничные ватрушки! И какое разнообразие форм: вот дракон, а это лягушка, а дальше – причудливая рыбка! Но у тебя нет никаких мыслей в голове. И полный покой для натруженного тела. Улетаешь душой туда, в высоту. И прилепляется она, душа твоя, к этим курчавым небесным тихоходам, и освобождается от земного гнёта, словно цепи с неё спадают.

И так спокойно, радостно и привольно жить становится. И ничего тебе не надо. И дыхание выравнивается. И даже сердце начинает биться медленнее, спокойнее, ровнее, в полной гармонии с этой осеняющей тебя небесной красотой...

Ничего лучше и прекраснее человеку не создать никогда и нигде, ни в живописи, ни в музыке, ни в любом другом искусстве. Но как же славно это – очистить дух свой от всего наносного, мелкого, жалкого, рванувшись вслед за облаками!

Вот тогда-то тяга к искусству в душе и рождается! Вот тогда-то ты и начинаешь становиться художником, писателем или музыкантом, порой сам того не осознавая.

7. Фактория (Мирюг)

Вот и май нагрянул и быстро вперёд покатился. Начальник наш куда-то укатил. «Травка зеленеет, солнышко блестит», и жить вроде повеселее стало. Как дядя Андрей – Рыбак – присказывать любит: «Кот из дома – мыши в пляс!» Но вот все это разом заканчивается. Вваливается вечером в наш клуб-общезитие всё тот же невесть откуда взявшийся Боков и объявляет:

– Всё, собирайтесь! Завтра с утречка в Мирюгу отправляетесь. И я с вами поеду!

Для нас эта новость как гром среди ясного неба, будто голой рукой по ране открытой провели. Молчат все, тоскуют. Но деваться-то некуда: за неподчинение приказу могут (опять дядю Андрея вспомнил) и «на цугундер загрести», то есть в лагерь посадить. Хотя, может, в лагере-то оно и не хуже будет, чем здесь, там, по крайней мере, кормёжка обеспечена. А здесь мы, словно звери бездомные, которых «ноги кормят», и что из этого получается, никого не волнует.

Две местные женщины к нам зашли, тётя Маша и тётя Ксения, мы с мамой несколько раз для них дрова пилили. Поговорили душевно о жизни, о войне. У обеих мужья-то на фронте погибли, а ребятёнки еще совсем маленькие .

Смотрят они жалостливо на нас. Передали нам семена капустные, чтоб мы в Мирюгэ их посадили. А тётя Маша сказала, что срежет ещё и картофельные головки с ростками, тоже нам на посадку. Мама ей:

– Так давайте я к вам пойду, помогу?

Тётя Маша руками замахала:

– Да что ты, Катерина?! Собирайся уж сама тут!.. Ох, господи, и как же вы, бедненькие, жить-то там будете!

А немного погодя Маша и Ксения принесли нам чуть ли не полведра картофельных ростков, на целое поле хватит!

.....

Утром снова, как уже не раз, загрузили мы своим барахлом большую лодку-«илимку». Её лошадь вверх по течению потащила. А мы бредем рядом по берегу, вдоль реки. Добираться (да ещё таким тихходом) не близко, километров 80, говорят.

* * *

Доплелись лишь на третий день. Тут, в Мирюгэ, в общем-то, и фактории никакой нет, только название громкое. Одна изба стоит основательная, рубленая, да сарай-склад с пристроем на высоких сваях для хранения продуктов и хозяйственного инвентаря. Вот и вся «фактория». В избе раньше одинокий рыбак жил, но недавно умер. Из местных осталась одна женщина, она складом заведует и в пристройке к нему обитает. Понятно, что ни магазина тут, ни ларька, никаких других благоустройств нету.

Боков разместился, было, в рыбацкой избе, но вскоре же уехал куда-то по своим делам. А нам приказал землянки рыть. Как, спрашивается? Тут же до вечной мерзлоты метра два всего. Но в ответ на все наши вопросы Боков лишь рукой махнул:

– Разберётесь, не первый год замужем-то поди!

Ну что, ничего тут не попишешь. До царя далеко, до Бога высоко, а зима – она не пожалеет. Как говорится, думай не думай, а жить как-то надо. Принялись мы за дело. Вначале вырыли яму под землянку для Лиды с Леонорой Павловной, потом для нас. Я быстренько, но аккуратно жердей в тайге и лапника нарубил. В ямы опоры поставили, перекрыли сверху, на каркас еловые ветки плотно уложили, что-то вроде утепленного шалаша получилось. Внутри, правда, холодновато, промозгло даже. Как непогоду здесь переносить будем? А, не приведи Господь, заморозки? Представить страшно!

Хлёба нам больше не выдают, карточек в Мирюгэ на него и на всё другое нет. Вместо хлеба получаем со склада ежедневно, на каждую семью по горсточке муки, больше похожей на отруби. Варим из неё жидкую кашицу-похлёбку, этим и питаемся. Ну, ещё тайга выручает, собираем в ней грибы, ягоды, дикий лук, черемшу, саранку (это цветок такой, лесная лилия, у неё луковицы съедобные) и всё такое, что в пищу годится. Середина лета всё-таки, зелени всякой навалом.

Хватает и лебеды вокруг, ешь, сколько захочешь! Огород возле дома покойного охотника весь этой лебедой зарос, джунгли настоящие. Мы поделили эту «плантацию» между всеми «выселенцами» на равные участки, собираем с них «урожай» и добавляем лебеду (а иногда и щавель, и крапива там попадаются) в мучную кашицу. Горьковато, но есть можно. «И витаминов в достатке», – успокаивает меня Лида.

А я натрамбуюсь этой похлёбки и сразу ложусь на землю, чтобы на желудок меньше давило. Но когда тяжесть уходит, тут же возвращается чувство голода. Замкнутый круг. Я прошу маму:

– Ну хоть иногда, раз в неделю свари кашу из одной муки, без лебеды этой противной!

– Нельзя, сынок! – отвечает. – А что потом есть будем?

От саранки в желудке не давит, но она не так часто встречается, да и мы её всю быстренько по всей округе истребили.

Капусту посадили. Но Леонора Павловна головой качает удручённо:

– Поздновато уже, до заморозков только одни листья вырасти успеют. Так оно, похоже, и будет. И с картошкой та же самая история.

Основная работа летом у нас здесь немудрящая и не очень тяжёлая: траву косим литовками, сушим, сгребаем, скирдуюем и на плотках, которые сами же и сбиваем из брёвен, что на берегу заранее заготовлены, сплавляем вниз по реке в Байкит. Иногда ещё и рыбу ловим, хотя у нас для этого и снастей настоящих нет. Вот и получается то густо, а то пусто.

Не обходится и без приключений. На днях Лида тут так визжала! Первый раз в жизни такой крик слышал, а уж от неё-то вообще не ожидал: она же всегда такая сдержанная, вдумчиво-тактичная, предусмотрительная. А тут идём мы с ней по тайге, и вдруг вижу: на замшелой кочке как бы ремешок лежит блестящий, колечком свёрнутый. Я даже вперёд шатнулся, подобрать же надо, вещь-то хорошая! А из этого ремешка-колечка – на тебе! – треугольная головка поднимается да как зашипит на нас! Я сперва остолбенел, а Лида вот тут и завизжала. Схватил я её за руку и бегом в обратную сторону из тайги, куда подальше. Долго она, бедная моя Лида, после этого в себя прийти не могла.

Удивительно, между прочим, в Байките змей не было видно вообще. А здесь, в Мирюгэ, они чуть ли не на каждом шагу. И ненамного ведь южнее-то, но, видимо, разница всё же есть. А вот лягушек и в этих местах не водится. Жаль. Можно было бы ловить их и есть. Говорят, на курятину похоже. А что, французы же едят, и у них лягушатина даже как деликатес почитается. Сказал об этом Лиде. Она в своём репертуаре:

– И правильно французы делают. Любое мясо – кладёшь белков. Они очень полезны, а в нашем возрасте особенно!

А я думаю про себя: «Эх, ножку бы куриную сейчас да с тушёными картошечкой и капусткой, ну, как бабушка покойная готовила!..» Да-а... «Мечты, мечты, где ваша сладость?»

* * *

Заливные луга здесь, в Мирюгэ, красивые, загляденье просто. И охотничьи угодья богатые. Не на пустом же месте эвенки на всю страну прославились как знатные добытчики пушнины прежде всего. А у нас и ружей-то нет. И собак тоже. Да и местных псов всех давно уже медведи задрали, так тётка Августа, завскладом, сама тоже из выселенных, бывших кулаков, нам сказала. Можно было бы, конечно, попробовать силками и капканами на птичек да разных там мелких зверушек поохотиться. Многие из местных так и делают. Но для этого нужны знания особые, умение и снасти. А у нас нету ни первого, ни второго, ни третьего. Ну, смастерили мы с Лидой две самые примитивные удочки, ловим на них пескарей и прочую мелочь. Но ничего более солидного

поймать не получается, голыми руками приличную рыбу не возьмёшь. Да и с крючками плохо, оборвешь один – второго найти негде.

Ещё мы с Лидой любим на один ближний каменный утёс ходить, совсем от Мирюги недалеко. Его особое отличие – курумник: так местные называют осыпь на склоне горы, где не растёт ничего. А вокруг этого курумника грибов видимо-невидимо. И чёрной смородины. Это уже у подножья на самом берегу реки. Да и всякие другие съедобные листы-корешки попадаются сплошь и рядом. Жаль вот только, морошка ещё не поспела, это для меня любимое здешнее лакомство. Как и для Лиды, между прочим.

Мирюга-то с языка эвенков – это спокойная излучина реки. Богатый язык! Мы только бедные.

* * *

Лето идёт себе да катится. Уже под уклон. И ура! Морошка поспела. Ух, и поедим же мы тебя, сладость ты наша оранжевая!

А мы работаем и работаем, плоты с сеном в Байкит отправляем. Рыбы мало ловим, да и недосуг, надо ведь все луга здешние выкосить, а этого «удовольствия» до белых мух нам хватит и ещё Деду Морозу останется.

Вечерами сидим на чурбачках возле своих землянок. Подмели во-круг, сделали что-то вроде площадки для отдыха. От комаров и мошки веточками отмахиваемся. Костерок небольшой разводим с наветренной стороны, дымок от него хоть немного гнусь таёжную отгоняет. Чаще молчим, но иногда и рассуждаем о том о сём. Сегодня мама и говорит:

– Лету скоро конец. А в холода мы тут не выживем. Давай, Леонора, отправим детей в Байкит, в интернат, а сами к эвенкам убежим! Я знаю, где у них стоянка.

Леонора Павловна сомневается:

– На одной ложке муки нам, конечно, не продержаться. Да и шалаш от дождей и морозов не спасёт... Но ведь поймают нас и в лагерь отправят! И что тогда с детьми будет?

Мама не отступает:

– Так здесь-то мы всё равно погибнем. Вон ещё одного нашего вчера похоронили, Виктора Коха, он же твоей Лиде ровесник. И какой вроде крепкий был паренёк, а сгорел мгновенно, дизентерия, похоже.

Стали дальше рассуждать, выдадут их эвенки властям или дадут возможность в обмен за работу в стойбище перезимовать? Сошлись на том, что, скорее всего, не выдадут. Теперь надо обговорить, что же конкретно с нами, детьми то есть, делать? Надумали у Бокова разрешения просить, чтобы нас на попутном плоту-сеновозе в Байкит отправили. Мама настроена решительно:

– Мы ему ещё раз строчки из сталинской Конституции напомним о праве детей на школьное образование. Пусть наизусть запомнит!

Тут на Бокова разговор перешёл. Леонора Павловна вопросом задалась:

– И откуда только он, Боков, водку и спирт берёт? Ведь каждый бо-жий день навеселе ходит! И наши, и местные шушукаются, что он продукты, которые ему на нас выдают, на выпивку меняет у эвенков и в других факториях.

– Ну, не знаю, – мама ей отвечает. – Хотя всё может быть, уж чем-чем другим, а заботой о нас его голова явно не страдает.

Вроде, на время и позабылся тот разговор. Но август на исходе, надо что-то предпринимать, иначе поздно будет. И на очередном «большом семейном совете» решаем твёрдо и бесповоротно: завтра наши мамы идут к Бокову и ставят перед ним «вопрос ребром»!

Созерцание-7: Как светит солнце

Мне так нравится степное солнце! И особенно весной и осенью. Тогда оно тёплое, дружелюбное, даже ласковое. Летом оно другое: палящее, знойное, нестерпимое. А уж когда погонит ветер из степи раскалённый воздух, просто дышать нечем.

Там, в степном Поволжье, солнце – хозяин жизни. А вот в Сибири – только гость. Хотя и греет оно здесь иногда летом, но это так, не всерьёз, как бы понарошку. То дожди с тучами всё нахлобучат от одной линии горизонта до другой. То холод нагрянет... А затуманенное зимнее солнышко, оно здесь как «волчье светило», то есть словно луна: светит да не греет. И всё равно ждёшь его, родимого! Хотя какого! Любого! Ведь оно, негасимое, нам жизнь-то и даёт! И пропитание – травки-корешки на лугах, грибы-ягоды в лесах, всё прочее, что на земле произрастает, от него! Да и мозги наши от его лучей просветляются и очищаются!

Солнце заряжает нас энергией. Истина всем известная и неоспоримая. А вот что оно взамен берёт? Этого мы не знаем. Да и знать нам не надо!

Есть такие люди, совершенно особые по сути своей. Их называют «солнечными». Я в своей жизни подобных людей встречал, хотя совсем-совсем немного, раз-два – и обчёлся. Но как же они всем нам, обыкновенным, смертным, нужны в этой жизни! Я бы сказал, это – как поток воздуха в удушье. Они способны полумёртвых поднять с одра безнадежной болезни, разуверившимся Свет небесный вернуть.

А как это здорово отдавать, а не брать, согревать своим искусством, теплом души, горением сердца эту нашу такую холодную, мёрзлую, тусклую жизнь!

В сущности-то и нет в мире для нас, людей, других вечных ценностей, кроме природы, детей и искусства.

8. Дорога в школу

А ранним утром мама и Леонора Павловна уже стояли у «резиденции» Бокова, ждали, когда он выйдет. Нам с Лидой издалека, от землянки нашей, всё видно, только слышно плохо, урывками. Вот мама, склонив голову, спокойно, но твёрдо что-то говорит Бокову. Тот сначала с изумлением смотрит на маму, а потом трясёт своей головой. Надо понимать, нет, – говорит, – ни в коем случае! Тут Леонора Павловна умоляюще поднимает руки к небу и тоже обращается к Бокову. Мама поддерживает её. Боков долго молчит, затем раздражённо рывкает что-то и машет рукой. Разговор окончен...

Мы ждём возвращения мам, сидя у землянки на чурбачках. Вот они подходят, взволнованные до крайности, но довольные. Замечаю, у мамы голубая жилка на виске бьётся от переживания.

– Разрешил! – отвечает она на наши с Лидой немые вопросы.
– И как же вы его уговорили? – всё-таки спрашивает Лида.
– Да всё очень просто, – поясняет нам Леонора Павловна. – Мы ещё вчера от Августы узнали, что нам за работу продукты выделяют, а Бокков их на водку меняет. Так он, видно, понял, что мы, как говорится, в курсе и можем, в случае чего, сообщить куда следует. За свою шкуру боится, на фронт-то ох как не хочется, из глубокого тыла да с хлебного местечка!

Мама дополняет:

– Завтра большой плот с огромным стогом сена в Байкит сплавляется. Поведут его наши мужики, немцы-спецпоселенцы Николай и Теодор. Вот с ними вас в школу и отправим. А сейчас за работу, надо к вечеру успеть на этот плот сено сметать и примять хорошенько!

Через минуту мы уже на берегу. Николай попросил стожары окорить для скирды на плоту. Сидим с Лидой, жерди обтёсываем, а между делом происшедшее и предстоящее обсуждаем. В общем-то, всё пока удачно складывается. Только Лида за маму свою беспокоится, даже боится:

– Как же они до Куюмбы, до стойбища эвенков пройдут? Это ведь двести километров! А что они есть будут? Да и замёрзнут, ночи-то уже вон какие холодные!

Я пытаюсь успокоить её:

– Ну, мамы же с эвенками обо всём договорились. Те недалеко отсюда промышляют и всегда в это время на окраину Куюмбы с охоты возвращаются. У них там дом пустой есть. Но они ярангу свою рядом с ним ставят. Говорят, что не могут в избе жить, не спится им в ней, воздуха мало, задыхаются. Вот мамы и будут в этом доме зимовать и эвенкам во всех работах помогать. Эвенки же и рыбу ловят, и зверей добывают, не голодают. Ну и наши мамы рядом с ними прокормятся как-нибудь, уж никак не хуже, чем здесь-то, по крайней мере.

Но Лида – трусиха такая! – всё равно переживает:

– А если власти узнают? Что тогда будет?!

– Да не паникуй ты! – говорю, хотя что там лукавить, и у самого кошки на душе скребут. – Зима-то ох какая длинная, и всё враз перемениться может. А сейчас главная наша задача – выжить, иначе нам кантры, как дядька Андрей говорит.

Вроде убедил я Лиду, и мы более конкретные вещи обсуждать принялись: как поплывём завтра, что из вещей с собой надо взять, примут ли нас в школе в те же классы, откуда мы на «трудовые каникулы» ушли, поселят ли в интернат? Последнее особенно важно, там ведь кормят, худо-бедно, но всё-таки регулярно. А потом решили, чего там голову зря ломать? Да будь что будет, утро вечера мудренее!

* * *

А вот и утро пришло. Тучи низкие, туман. Комарья, мошки – не продохнуть! Ветра-то нет. Разместились мы вчетвером на плоту и в путь! Мамы остались на берегу. Платочками не машут за отсутствием таковых, обносились до крайности. Вот и на Лиде холщовая юбка, порванная до середины, коленки просвечивают. Я стыдливо глаза отвожу, когда она, Лида, вдруг резко вскакивает или поворачивается. Но всё равно тянет посмотреть, приятно ведь! И Лида меня всякий раз, если заметит эти «подглядки», или кулачком тычет, или за волосы треплет, чтоб «глаза не паялил!» А вихры-то у меня длинные отросли, чисто

как у русского попа. Ну, ничего, подстригу их в Байките под «нулёвку», там, в интернате, машинка специальная есть.

По смене одежды (что почище) и по паре обуви (поприличней), а также документы свои мы в узелки увязали и поглубже под сено запи- хали, чтоб дождём не замочило.

А плот плывёт себе и плывёт, в основном лениво, но местами там, где стрежь, побыстрее. Река-то широченная, от берега до берега где ки- лومتر, а где даже и два будет. Вода чистая-чистая. Но мелей, порогов и скал подводных много. Местами торчат посреди реки, словно кривые зубы какого-то огромного чудовища.

Николай с Теодором рулят плотом по очереди, веслом направляют его по безопасному руслу. Они уже не раз этим маршрутом ходили. Поэтому знают, что к чему, и постоянно настороже. Оба тоже немцы, только откуда-то с Украины, из раскулаченных ещё десять лет назад. Так что они – так называемые «местные спецпоселенцы», постоянно прописаны в Куумбе, но плавают как плотогоны по всей Подкамен- ной Тунгуске. На реке ориентируются, как у себя в доме. Может быть, поэтому их и в трудармию не забрали. Хотя им всего-то лет под со- рок, крепкие, кряжистые мужики. Правда, и они порядком изможде- ны, жизнь-то и у них не сахар. Но не доходяги, работать ещё вполне могут. Не то что наши мамы. Бедные, как-то у них там? Всё ли так, как задумывали?

* * *

Тайга вокруг глухая, первозданная. Из деревьев преобладает лист- венница. Встречаются и большие заливные поляны, вокруг них густые заросли кустарников, кое-где и родные сердцу берёзки проглядывают. А смородины пропасть сколько – и чёрной, и красной. И откуда она здесь берётся в таком-то изобилии? По берегам скалы и осыпи, вдали горы возвышаются. Красота, покой!

Ближе к обеду достали мужики из своих берестяных заплечных ку- зовков-рюкзачков пластинки вяленой щуки. С нами поделились. Мы с Лидой уплетаем за обе щеки. Рыба здесь, в Сибири, вообще вкусная. Аппетитнее даже, чем на Волге. А может, это нам просто с голодухи так кажется?

Стог на плоту огромный, почти всё место занимает. Протискиваемся по краям вплотную к сему и осторожно, чтоб в воду не свалиться. Боко- вины у стога отвесные, вверх не забраться. Постарались мы, сложили на совесть. А брёвна, из которых плот сбит, на дрова в Байките пойдут. Только пилить и колоть эти брёвна сразу же надо, как только из воды их вытащат. Если они хотя бы с месяц полежат, то запарятся внутри, как бы окаменеют. Тогда с ними помучишься до седьмого пота. Уж я-то знаю, столько этих дров за последний год переколол!

А вот колуны здесь отличные: и по весу, и по форме. Разделявать ими свеженапиленные чурбаки одно удовольствие! При хорошей кор- мёжке, разумеется. А на голодное брюхо даже самым хорошим топори- ком долго-то не намашешься.

* * *

На ночь к берегу пристали. В темноте плыть не годится. Местами вода просто кипятком бурлит. Можно и на пороги угодить, и на мель

сесть. И куда в таком разе деваться? Так что, как говорится, тише едешь – дальше будешь.

Берег на повороте реки как-то причудливо изрезан. Развели мы костерок у самой кромки воды, дальше нельзя, там одни камни гранитные да валуны большущие. Сидим у костра, разнежились. И закат такой роскошный! И горная гряда вдаль чернеет, вид просто сказочный. Как там у Гёте? Мы ещё в Варенбургской школе учили:

Über allen Gipfeln
Ist Ruh,
In allen Wipfeln
Spürest du
Kaum einen Hauch;
Die Vögelein schweigen im Walde.
Warte nur, balde
Ruhest du auch.

А как чудесно Лермонтов перевёл! Это уже Василий Николаевич нам читал и объяснял:

Горные вершины
Спят во тьме ночной;
Тихие долины
Полны свежей мглой;
Не пылит дорога,
Не дрожат листья,
Подожди немного,
Отдохнешь и ты.

Да! И вот она передо мною – воплощённая природой красота! Река – она ведь как жизнь: мощно так воды свои катит, веет на нас и силищей, и лаской одновременно. Только сила-то у неё опасная, страшноватая. Слышно нам, как река на берег волнами поплёскивает, где-то у буруна ворчит, у какой-то скалы с шёпотом поворачивается. Словом, тёмная это мощь, вода, но живая же!

«Как Даугава!» – вздыхает Лида. Не знаю, я там не бывал. Но Лиде можно верить. Она никогда не врёт. А вот интересно, почему? Очень мне хотелось бы это знать!

Теодор на ночь морды поставил. Это такие плетёные корзины, чтобы рыбу в них ловить. Она в них-то зайти зайдёт, а выбраться не сможет. «Будем завтра с ушицей!» – обещает Теодор. Ладно: поживём – увидим! Надо бы ещё и смородины подсобрать для чая. Жаль, морошки поблизости нет, так что опять останусь без любимого лакомства. А вот грибов и здесь навалом. Но они поднадоели уже, в последний месяц в Мирюгэ только ими и питались три раза в день. Можно ещё и саранки, луковицы дикой лилии, в костре запечь. Домашняя-то лилия несъедобная, а саранка эта – очень даже ничего на вкус. В Байките дикая лилия уже не растёт, а тут всё-таки южнее немного.

Холодно, мурашки пробирают, поёживаюсь... И не оставляют мысли, а как там наши мамы? Укладываемся. Ложимся с Лидой рядом на толстый слой еловых веток. Их здесь лапами называют. Шушукаемся. Лида шепчет:

– Боков сегодня должен на озеро Оморо уехать. И мамы завтра утром уйдут из Мирюгэ по берегу реки, чтобы в тайге не заблудиться.

– Так-то оно так! – отвечаю я. – Но до Куюмбы ведь недели две ходу, в лучшем случае дней десять. Что же они есть-то в дороге будут?!

А Лида, как всегда, больше моего знает и успокаивает:

– Ну, им тётя Августа обещала дать муки немного и коробок спичек. Потом будут грибы-ягоды в тайге собирать.

– А вдруг эвенки их не примут? – вновь сомневаюсь я. На что Лида, подумав, возражает:

– Нет, этого не может быть! Они, эвенки, от своего слова никогда не отказываются!

Мне больше возражать нечем. Да и не хочется.

– Ну и хорошо! – говорю. – Спать пора!

– Пора! – соглашается Лида. На том и засыпаем...

* * *

С утра туман над рекой. Лишь часам к десяти прояснилось немного. Тогда на воду и встали. Навалились все вместе и оттолкнули плот от берега. До этого похлебали всласть Теодоровой ушицы (знатная получилась!) и попили всласть чайку со смородиной, хорошо! А плыть нам ещё неделю. Или даже поболее, как с погодой повезёт.

Время течёт, как песок сквозь пальцы. Плывём уже несколько дней. Скоро придём в Таимбу. А оттуда до Байкита ещё километров 130 пути.

День, река, плеск волн, тихое шуршание плота по воде. А хорошо бы забраться на стог и сверху на всё посмотреть! Но это невозможно, боковины скирды идеально вертикальные, твёрдые и ровные. Свалишься в воду, и все дела. Да уж постарались мы, загляденье просто! И получается по пословице: близок локоть, да не укусишь!

Лида мурлычет какую-то песенку себе под нос и по-латышски. А я расспрашиваю Николая и Теодора об их жизни прежней и настоящей. Интересно же! Говорим по-немецки, так всем удобнее. Обычно мы, немцы, при посторонних стесняемся «шпрехать», а в последние годы тем более. Обзовут разок-другой фашистами, и заткнёшься. Наглухо!

Чувствую, начал кое-что из родного-то языка подзабывать. Ловлю себя и на том, что всё чаще даже думаю по-русски. Конечно, память возвращается, если тренировать её регулярно. Да вот, если честно сказать, как-то уж и не хочется очень-то. И с Николаем и Теодором серьёзного разговора о жизни не получается. Они от всех моих вопросов, ну там про Украину, раскулачивание, высылку, в сторону уходят, шутками-прибаутками отделяются да подтрунивают надо мной, на Лиду всё намекают. Я не обижаюсь, понятное дело, мужики они тёртые, битые-перебитые и с первым встречным откровенничать, душу перед ним распахивать не будут. Поэтому и болтаем о разных пустяках, трещим, чтобы просто время убить.

* * *

Вот так и плывём. Ближе к одному берегу. И всё вроде хорошо. Но вдруг толчок! Резкий. Мы все чуть с ног не попадали. Ладно ещё, что Лида сидит спиной к стогу! Тут и наши плотовщики давай ругаться-препираться друг с другом на всех языках, какие только знают. Короче, сели мы на мель огромную, мощную! Хорошо сели, прочно!

И как же они, такие опытные лоцманы, эту мель не заметили?! Да что теперь разбираться, после драки кулаками не машут. Пробуем со всех

сторон шестами наш «тихоход» сдвинуть. Да куда там! Плот со своим огромным стогом как слоновья туша: стоит недвижимо, намертво.

Что же делать? Течение в сторону берега быстрое, вплавь не добратся. Впереди водовороты: утащат и утопят запросто. Посидели, покумекали, обшарили всё вокруг, нашли остатки каких-то толстых досок, топором вытесанных (пилорама-то в Мирюгэ нет), несколько жердей, связали их в маленький плотик. А дальше что?! Вода плещется, день уже к вечеру клонится. Туман поднимается. А река будто вздыхает, сочувствует нашей беде, даже дышит тяжеловато как-то, не то что утром.

Решаем, плотик четверых не выдержит, значит, надо на нём к берегу с двумя лучшими шестами добираться Николаю с Теодором. Они крепче нас с Лидой и местность знают. А мы их тут ждать будем. По берегу до Куюмбы отсюда километров восемь, а до Байкита больше сотни. К ночи мужики уж до Куюмбы-то наверняка доберутся, доложат обо всём куда нужно, а потом вернутся за нами, с подмогой.

На том и договорились. И по-другому тут быть не может, нам с Лидой на таком дохлом плотике из этого водоворота шестами всё равно не вытолкаться. Конечно, одним нам не сладко придётся, но что поделаешь?

Лида говорит мне тихо-тихо:

– Давай, Пауль, помолимся!

Я отнекиваюсь, не умею, мол, не знаю! А она мне:

– Да это же очень просто! Повторяй за мной: «Господи наш Боже! Святой и Бессмертный! Прости и помилуй нас, грешных! И да пребудет на всё Всеблагая Воля Твоя!»

Я повторяю, но по-русски почему-то не могу, перехожу на немецкий:

– O Herr, mein Gott! Heilig und Unsterblich! Vergeben und habe Erbarmen mit uns Sündern! Und sein auf Deinem Heiligen Willen alle!

И Лида вновь шепчет, но уже тоже по-своему, по-латышски:

– Ak, Kungs, mans Dievs! Svēts un nemirstīgs! Piedot un apžēlojies par mums, grēciniekiem! Un būt uz tava Svētā Gribas Visu!

* * *

Уселись мы с Лидой рядышком, к стогу вплотную прижались, руками колени обхватили, смотрим. Мужики тоже не железные, понятно, опасаются, хоть и вида не показывают. Подстраховываются, тщательно верёвки вяжут, шесты крепят, чтоб не выронить. Но вот встали на плотик, резко оттолкнулись и к берегу погребли. В одном месте Николай чуть-чуть шест не утопил, в омут им ткнул, а дна-то нет! Хорошо, что шест к руке привязан! А то сгнули бы они оба за милую душу. Наконец, причалили! Gott sei Dank! (Слава Тебе, Господи!)

Я вытер со лба выступивший было пот, а Лида губы облизала (какие они у неё сухие, розовые!) и рот закрыла. Не игрушки ведь, дело нешуточное, судьба решается, жить нам или нет? Но видим, наши плотовщики смотали канаты-верёвки, перекинули эти мотки себе на плечи, помахали нам и скрылись за поворотом реки. Боже милостивый, даруй им удачу! Спаси их и сохрани!

* * *

И стали мы с Лидой ждать своих спасителей и подмогу. Картинка называется: «Ждём у моря погоды». А еды-то у нас никакой: «торичеллиева пустота», как физик Монгол в Байкитской школе говорил.

– Ничего! – пытаюсь я бодриться и Лиду поддержать хоть морально. – Сейчас уже вечер, а завтра с утра наши мужики в посёлке начальство найдут, и те нам помощь пришлют!

Лида сначала согласно головой кивает, но потом спрашивает:

– А если начальство не пошлёт никого? Какое ему дело до нас, чужих?!

– Да ты что?! – наигранно возмущаюсь я. – Ну, может, на нас-то им и вправду наплевать, но сено, такой огромный запас корма для скота, никто терять не захочет! Это уж точно!

И ласково тугую боковину скирды похлопываю. А сам-то думаю: «В чём-то права Лида! Нужны мы этому начальству как бельмо на глазу: других забот хватает, а тут какие-то малолетки-выселенцы. Да пропади они пропадом! Выживут, если на роду написано, а не выживут – так не судьба, значит, не первые и не последние». Хотя сибиряки, в большинстве своём, люди отзывчивые, добросердечные.

Ну да ладно, слезами горю не поможешь! Отрыли мы в низу стога большую норку, забрались туда с ногами, улеглись. А Лида от меня до-сочкой маленькой отгородилась.

– В мою каюту – не ходить! – говорит.

Я улыбаюсь, на всё согласен – лишь бы вместе!

* * *

Переночевали славно! Даже мошкарё меньше доставало. Пробудились уже позднёнько. Туман ещё клочьями висит, но скоро, похоже, рассеется. Во все глаза на берег глядим: пусто, никого! Давай умываться, я на одной стороне стога, Лида – на другой. Немножко повеселели. Водички попили. Её вокруг много течёт, даже с избытком...

А вода в Тунгуске чистая-чистая, светлая-светлая! Как будто откуда-то сверху, с горных ледников. Да может, так оно и есть? Неподальёку с горной стороны какой-то проток в большую реку впадает, вот он-то прямо к нам и течёт прозрачной своей струёй.

На реке да в одиночестве думается хорошо и обо всём. Ну, например, для чего люди живут? Я маму недавно об этом спросил. Она мне, подумав немного, ответила: «А для того, сынок, чтобы жить!» И ничего лучшего я на сей счёт сам придумать не смог. И не смогу уже, наверное. Ну вот, скажем, если мы тут, на реке, сгинем, что в мире-то изменится? Да ничего!.. Но мы не сгинем! Чёрта лысого! Мне уже столько видений про наше будущее явилось! И все они просто бред, что ли?! А вот фиг вам! Всё сбудется! И всё у нас будет хорошо! И никак не иначе!

* * *

Сидим мы с Лидой, на берег в направлении к Куюмбе поглядываем. Сено спинами уминаем, чтобы не так кололось. Болтаем о разных разностях, про детство своё вспоминаем.

– Меня, – говорит Лида, – тётя Текла, мамина сестра, так учила капустную рассаду высаживать. Главный секрет в правильном поливе. При посадке надо его в два приёма проводить. Сперва лишь немножко под росток полить, а через какое-то время во второй раз и уже обильно, по-хорошему.

Про тяжёлые события – арест отца, обыск, высылку – Лида говорить не хочет. Да и не может, сразу слёзы набегают. И у меня при таких вос-

поминаниях язык как бы отключается. Ясное дело, кому охота открытые раны ворошить.

– Мы, – продолжает Лида, – на хуторе жили. Такой там яблоневый сад папа насадил и вырастил! И так дружно-красиво они, яблоньки, все цвели в мае 41-го! Душистые лепестки такие, белые, розовые, словно невесты, когда они при венчании в церкви перед алтарём стоят! Мы, глядя на это чудо, нарадоваться не могли!

А я вспоминаю свой огород в Варенбурге: лук, кабачки, тыквы, арбузы...

Интересно, вышел бы из меня агроном, овощевод или садовод? Или нет? И вообще, кем бы мне стать хотелось в будущей жизни? Если она суждена мне, конечно. Пока ничего определённого я не выбрал. А вот Лида уже всё решила, она хочет учительницей математики стать.

– Я, – говорит с гордостью, – так быстро все задачки решаю, сразу всякое нутро их вижу. А главное, легко могу другим ребятам это объяснить. От детей же вообще душа греется!

Ну, не знаю... Я всё-таки, если честно, школу не очень-то люблю. Ведь это, что там ни говори, а всё равно как бы засада. И когда попадаешь в неё, там тебя просто заставляют что-то делать, из-под палки или лаской, какая разница-то? Так или иначе, а получается в итоге принуждение. Эх, мне бы в институт поступить, хоть какой!

Ага, разбежался! Очнись, война идёт, и конца ей не видать! К тому же, ты – из высланных. А будут ли нас даже после войны в вузы принимать, большой-большой вопрос! Вон даже до войны парней из нашего села в военные училища со скрипом принимали, а потом и вообще перестали. Из-за национальности, и от ворот поворот! А ты размечтался!

Но всё-таки, как же так? Мы же все – одна страна! И один народ – советский! Мы же счастье всего мира строим! Или, может, я что-то не так понимаю? Но ведь нас именно этому в школе учили! Так что же происходит?! Нет, моим слабым умом этого не понять, как говорит дядя Андрей, «с катушек можно слететь».

* * *

Речная рябь на солнышке блестит, волны на борт лодки плещут, успокаивают. Посидим, поговорим, попьём водицы, помолчим. А дело снова к вечеру. Река пустынна по-прежнему – ни баржи, ни лодочки. А есть-то как хочется! Но нечего – «голый вассер»!

Покричали, поаукали. Одно эхо в ответ. А оно хоть и далеко по реке разносится, да толку-то что, даже до ближайшего посёлка ему не докатиться. Подумали, подумали и решили: ложимся спать.

– Главное – мы живы! – шепчет мне Лида перед сном. – А надежда умирает последней, так ещё древние греки говорили!

Второй день ожидания. Он тащится медленно, как и предыдущий. А ведь конец августа уже. По ночам заморозки. Хорошо, что мы можем в сено зарыться, какое-никакое, а укрытие всё-таки. Но на выручку нам так никто и не приходит. И придёт ли кто-нибудь? Похоже, остаётся только на чудо надеяться. Да на Бога...

Облазил я и обшарил весь плот. Убедился, ничего путного и полезного у нас не осталось – ни верёвок, ни шестов, ни досок хоть каких-нибудь. Про еду и говорить нечего – «днём с огнём не сыщешь».

Принялись мы с Лидой опять планы строить, выходы искать. Что делать? Самим в воду броситься и к берегу попробовать вплавь добраться? Не годится, Лида плавает совсем плохо. Честно признаётся:

– Я не выплыву. Я очень мало плавала. У нас на хуторе только пруд небольшой был.

Одному мне плыть? Ну, я, может, и выплыву, а может, и нет. Ослабел шибко после Волги-то. Да и река тут совсем другая, стремнина вон какая, вмиг утащит и утопит. А без меня и Лида пропадет, как пить дать! И допустить этого я не могу! Никак!

Решили, будем дальше ждать! Лида как бы утешает меня:

– Терпеть надо, Пауль! Говорят же русские: «Бог терпел – и нам велел». И в Священном Писании сказано: *Bet, kas pastāv līdz galam, – tiks saglabātas*. Это по-латышски. По-русски примерно так будет: «Претерпевший же до конца – спасётся». Вот и нам терпеть надо и надежды не терять! А Господь нас не оставит: я в это верю!

Хотел было я ответить:

– На Бога-то надейся, да сам не плошай!

Но – промолчал. А что тут говорить? Посмотрел ещё раз на реку: пусто там по-прежнему. Отбой!

* * *

Третий день. Сидим, горюем. Слабеем час от часу. Лида говорит:

– Наверное, начальники послали Николая с Теодором на какие-то другие срочные работы. А про нас или забыли или просто рукой на нас махнули.

– А сено как же? – спрашиваю.

– Ну, это не беда! – отвечает. – Оно же никуда отсюда не денется. А река станет прочно, и в ноябре-декабре сено увезут на лошадях, а плот на брёвна-дрова разберут. Так ведь и проще, и легче, чем сейчас с плотом возиться, лошадей для этого гонять. Их тут не менее пяти нужно. А где сейчас свободных-то взять? Они везде нужны, время-то хлопотное, страдное, уборка урожая, подготовка к зимовке.

«Да, – думаю, – лошадей-то жалко, и куда больше, чем людей! Людоедство какое-то! Видно, не бог с ними, а чёрт со всеми начальниками этими!»

Но вот что странно, однако: никакой безысходности или тоски в душе нет! Наоборот, такое умиротворение в неё льётся! Спокойствие какое-то охватывает и оцепенение. Почему-то мысль промелькнула: «Наверное, так вот люди-то и умирают!...»

И тут вдруг словно что-то в бок меня толкнуло. Растормошил Лиду. Пошёл вокруг плота на реку посмотреть. И вижу: лодочка с верховьев плывёт! Наверняка кто-то с охоты или рыбалки возвращается! Первое желание – кричать изо всех сил, руками махать! А не могу, только писк мышинный да шевеления вялые получаютс...

Но каким-то чудом человек в лодке нас заметил. Подплывает. Глазам не верю: да это же Рыбак, дядя Андрей! Лёгко на помине! И такое счастье на меня нахлынуло! Глаза, правда, сухие, не плачется почему-то, всё слёзы куда-то внутрь ушли. Перебираемся с Лидой в лодку с трудом, сил совсем нет уже. Она тоже рада-радешенька, спаслись, слава Тебе, Господи!

Рассказываем мы дядьке Андрею о своих приключениях. Он улыбается только понимающе, ласково так. Сам-то весь седой, одни глаза – синие-синие. Головой качает да приговаривает:

– Да, натерпелись, бедные! Ох вы, неруси мои горемычные! Ну, ладно! Отдыхайте покедова!

Сел он за вёсла, а мы с Лидой на корме устроились. Там дядя Андрей ящик соорудил для пойманной рыбы. Открыл, показывает, а там полным-полно: и щуки, и хариусы, и окуни. Да, улов богатый!

Сидим мы с Лидой на лодочной корме, прижались друг к другу, обнялись и задремали в блаженной усталости. И снова меня повело куда-то, накатило опять. Стою я будто бы у какой-то стеклянной стены. Вдали поле, на нём большие самолёты. Аэродром, что ли? Рядом со мной – молодая красивая девушка (или женщина), лет под тридцать. И с удивлением слышу от неё:

– Не горюй, папа! Всё будет у нас хорошо в Германии! Мы же к вам сюда, в Россию, приезжать будем!

Потом различаю свой голос, как бы со стороны:

– Не понравится там, сразу же возвращайтесь!

И с удивлением я, сегодняшней, понимаю: да это же – дочь моя! И так сильно похожая на Лиду – белокурая, белокожая!.. Но тут же отстраняюсь от увиденного: «Полный бред! Ничего такого быть не может! Мы же с Германией воюем всю не на жизнь, а на смерть! А тут что же?! Это кто же кого, получается, победил?! И надо же ереси такой привидеться!..»

Не знаю, сколько времени прошло, только вдруг – бах-бах! – треплет Рыбак меня за плечо.

– Подъём, плотогоны-басурманы! Приплыли! – говорит. И улыбается опять.

Смотрим, лодка к высокому крутому берегу причалена. А на берегу – избушка, рубленая, ладная, опрятная.

– Моё становище, – поясняет дядька Андрей. – Милости прошу к моему шалашу!

Он уже всё своё из лодки в избушку перенёс, теперь нас транспортирует. А без него нам бы на такую крутизну и не взобраться. Лида на полпути вдруг рухнула как подкошенная. Ноги-то совсем ослабели, идти не может. Да и я на пределе сил передвигаюсь: голова-то – ясная-ясная, но при любом физическом усилии молоточки в висках стучать начинают.

Подхватили мы с Рыбаком Лиду под руки с обеих сторон и так вот, как раненую, принесли в избушку. Она, конечно, засмушалась вся:

– Такие вам затруднения из-за меня! Извините, пожалуйста!

Вот ведь какая! Но живая же! Живая! Счастье-то какое!

И вот сидим мы с Лидой на лавке в Рыбачьей избушке и дремлем полубессознательно, ни рукой, ни ногой пошевелить не можем. А Рыбак тем временем печурку протопил, ухи наварил. Потом тщательно рыбу из неё отцедил и нам с Лидой одного горячего бульона похлепать из котелка дал, скупно проронив при этом:

– Больше нельзя вам после голодухи-то!

И как отрезал, не обращая никакого внимания на все наши умоляющие взгляды.

Всё равно мы с Лидой так ему благодарны! Мне кажется, от нас вот эти добрые лучики прямо к нему летят. А он только слегка улыбается, да и то лишь иногда. Молчун. И делает всё втихомолку, но легко, без натуги. Сам-то белый как лунь. Говорят, лунь – это птица такая. К старости она из коричневой в седую превращается. Никогда в жизни не видел. Эх, хоть разок бы посмотреть!

Выпили мы бульон. Постелил Рыбак нам на полу избушки две медвежьих шкуры. Места маловато, домик-то крохотный. Ну и что, в тесноте – не в обиде. И отключились мы с Лидой, уснули без памяти!

Просыпаемся, и понять ничего не можем. Темно. Оконце в избушке маленькое, но видно в него – ночь на дворе. Как же так? А Рыбак опять улыбается:

– Ну вы и даёте, целые сутки проспали, с вечера до вечера!

Снова накормил он нас, теперь уже немного варёной рыбки дал и с картошечкой. Наелись мы и давай ему всю свою грустную жизнь рассказывать. Друг дружку перебиваем, за руки хватаем. Отошли, жизнь вновь заиграла.

И вдруг Лида руками всплеснула:

– Господи! Да мы же наши узелки с одеждой для школы и документами на плоту под сеном оставили!

Так оно и есть. На радостях-то, увидев Рыбака, про всё остальное на свете забыли! Но ничего не поделаешь теперь, придётся в школу без узелков этих ехать.

Рыбак успокаивает:

– Не берите в голову! Завтра в обед вниз по реке на Байкит «илимка» должна пойти. Сядете на неё и до места, до школы своей, доберётесь, наконец-то. А я днями опять вверх по реке поплыву, по пути на плот загляну, вещички ваши отыщу и потом с оказией вам в Байкит отправлю.

«Илимкой» здесь небольшую баржу-лодку называют. Её вверх по течению обычно лошадь тащит: она по берегу идет, а её под уздцы провожатый-ездовой ведёт. А в обратный путь «илимка» уже самоходом плывёт на вёслах или на шестах. Течение-то на Тунгуске, ой-ой-ой какое быстрое! Местами вообще как на горной реке

Мы с Лидой лишь благодарно головами киваем:

– Хорошо! Спасибо, дядя Андрей!

И то – не тащиться же нам самим туда и обратно, пешком да по скалистому берегу! А Рыбак в ответ молчит и улыбается только.

Да... У нас-то, вроде, удачно всё складывается. Пока. Тьфу-тьфу-тьфу! Не сглазить бы! А вот мамы-то наши! С ними-то, что и как? Бредут, поди, теперь по берегу в Куюмбу голодные, холодные, из последних сил. Рассказали мы Рыбаку и про них. Он подумал, бороду свою седую твёрдой мозолистой рукой пригладил и произнёс неспешно:

– Не переживайте, голуби! Присмотрю я и за матками вашими! Учитесь только на совесть!

И на сердце как-то легче нам стало.

Вторую ночь в Рыбачьей избушке мы тоже проспали как младенцы. Слабенькие же ещё всё-таки! А ближе к полудню уселись на бережок, на реку поглядываем, «илимку» ждём. Баржа мимо нас, конечно, не пройдёт, но лучше приглядеть за ней на всякий случай. Рыбак у себя на заднем дворе дрова колет. Большую поленницу уже сложил. К зиме готовится. При минус сорок дрова-то ой как пригодятся!

А вот и она, красавица наша ржавая, нарисовалась. Плывёт себе не спеша, строго по фарватеру. К берегам – «ноль внимания, фунт презрения». Как собака-ищейка, глубокоководный свой путь на реке прослеживает. И ни на что постороннее не отвлекается. Понятное дело, чуть замешкаешься и тут же на мель угодишь или, того хуже, в порог втоухаешься.

Засуетились мы. Рыбак все свои хозяйственные дела забросил, усадил нас в свою лодочку, к барже доставил и там на борт передал. На

прощанье перекрестил нас, Лиду и меня, да ещё и в лоб поцеловал. А на «илимке» оказалось всего-то два человека: рулевой и его жена – помощница. Встретили они нас как-то не очень приветливо: и не разговаривают почти, и едят отдельно. Воду кипячёную из жестяного чайника, правда, позволяют брать сколько хочется. Ну и на том спасибо! Главное теперь до Байкита добраться!

*Созерцание-8:
Как льёт дождь*

А уж дождей-то в Сибири хлебнули мы досыта! Это вам – не наши степные «дождички по четвергам»: когда покапало немного (да пусть даже и пополивало несколько минут), а уже через каких-нибудь полчаса всё высушило, как будто и не было ничего! А уж слепой дождик, когда капли ещё в воздухе, не долетая до земли, высыхают, вообще не в счёт.

В Сибири же дождь – это настоящая и длинная история, как история жизни. День, два напролёт – не событие. А неделю без просвета не хочешь? Да пожалуйста: серое небо, затянутое плотной пеленой, как одеялом; ветер, не умолкающий, злой, порывистый! И сыпет, сыпет с небес хлябь студёная, в августе ведь уже градусов до семи «прохлада» опускается. Вот это дождь! Даже комарьё с мошкаррой его пугаются, исчезают куда-то.

Хорошо жить в лесу, в тундре или в каком-нибудь сибирском посёлке, там, где нашей европейской или городской грязи нет. Но не приведи господь оказаться в ливень на болоте. Это почти то же самое, что на море в шторм попасть – действует на человека просто парализующе.

И вообще дождь – он же забияка, своенравен и непредсказуем. Он хозяйничает так, как хочет. И плевать ему на все людские заботы и озабоченности: посевы, посадки, уборки. Он показывает, кто в доме, то бишь в природе настоящий-то хозяин, и вызывающе демонстрирует своё полное равнодушие к человеку, самонадеянно претендующему на эту роль.

Хотя в последнее время у нас, в «Европах», дождь начинает постепенно и как-то прилаживаться под человека. Даже своим разнообразным «меню»: тут вам и «морось», и «поток», и «проливной», и «ледяной», и «грибной», и «урожайный», и «дождь с градом»...

Горожане, конечно, ощущение естественной связи с дождём давно уже утратили. Он для них просто предмет окружающего пейзажа, а то и комнатного интерьера: этот стул удобный, а этот – не очень, а этот и вовсе дрянь... А вот у крестьян-селян это чувство кровного родства с дождём, как и с природой вообще, всегда было, а кое-где, пусть крайне редко, остаётся и поныне осколками, обрывками, рудиментами. Ведь как пели сельские дети и не в такие уж древние времена? Да вот так:

Дождик, дождик, пуще!
Дам тебе я гущи,
Хлеба каравай –
Хоть весь день поливай!..

А один мой приятель, родом из деревни, любил мыться в своей маленькой дачной баньке именно в дождь и выходить в перерыве из парилки прямо под дождевые струи. Он, что называется, селезёнкой этот дождик чувствовал, а не кончиками пальцев, как сейчас многие горожане...

Для меня же бесспорно и несомненно: дождь – это счастье! Если оно и внутри тебя присутствует, конечно. А если нет, так ведь чужое-то не вложишь. И на базаре не купишь!

Вот так-то, братцы вы мои!

Приложение

Мама бежит из Мирюги

*Стихотворение Лиды Страдини
(перевод с латышского)*

Я убегу. Здесь умирают люди от голода.
Пустите туда, где двое моих детей
На чужих столах собирают крошки жадно.
Фрау Клейн, идите вы со мной!

Прощаемся. Скоро уже не видна землянка,
Впереди дорога по глухой тайге и рассвет.
Как близко подбирается студёный воздух к сердцу!
Не люди, только волки ходят здесь в лесах.

Синие тени ложатся на землю, близится вечер.
Половина дороги пройдена. Вижу заимку.
Загорись, загорись сухая еловая веточка!
Будет в долгу у тебя спасенная жизнь.

Застывшие, сидим без сил, без мыслей.
В этом небытии нам хорошо как никогда.
Так забываем о своей большой беде.
Но уснуть нельзя. Надо поддерживать огонь.

Почему я вижу, как по земле в инее пробежала тень?
Почему опять как будто камень сердце давит?
Как во сне я слышу равнодушный голос Бокова:
«Беглянок надо в Мирюгу вернуть!»

Нет, не вернемся мы обратно! Не дождетесь!
Пустите к детям! Пустите к детям вы моим!
Если живы, я их вытяну, как кошка!
Если умерли, разрешите похоронить!

9. Снова Байкит

Уже два дня плывём. Сидим на барже в своём уголке. Опять на одной водичке: вяленую шучку и пару картофелин в мундире, что Рыбак нам на дорогу дал, почти сразу же умяли. Но мы его, дядю Андрея, только добром поминаем. Если бы он нас не подобрал, не накормил и

не обогрел, пропали бы мы уже. Наверняка! И плыть по реке на барже – это не пешком по берегу брести. К тому же заморозок как раз ударил, побелело всё от инея.

Ну, вот и Байкитская пристань! Прибыли! Направляемся по дощатым мосткам к школе, она рядом с рекой, в низине. А там, оказывается, новый директор. Средних лет. Фронтовик, говорят. И похоже, что действительно так, прихрамывает, инвалид, наверное.

Идём сразу к нему. Рассказали, что и как.

– Ладно! – говорит. – Определим вас в те же классы, где вы полгода уже проучились. И в интернате местá дадим. У нас ведь с сентября, с нового учебного года, школа-десятилетка будет. Райцентр всё-таки. И учителей молодых пришлют, выпускников Красноярского пединститута. Так что учитесь да не ленитесь! И с поведением чтоб всё в порядке было! Смотрите у меня!

Строгий, видно, директор-то! И прозвище-то у него какое-то злое – Кошей (от фамилии, наверно, Кошеев).

Ну а мы с Лидой нарадоваться не можем. Ещё бы! В интернате же кормить будут, пусть два раза в день всего, но для нас и это благо, давно не бывалое. На обед 200 граммов хлеба (два кусочка) и суп мясной (самого-то мяса в нём, правда, нет, бульон один, но картошечка присутствует и крупы немного), на ужин тоже хлебушек и каша. Словом, жить можно, не то что в Мирюгё.

А тут заходит в директорский кабинет училка-географичка Анна Петровна (у неё прозвище ласковое – Аннушка, добрая она и справедливая). Посмотрела она, как Лида рваный подол платяца своего стыдливо рукой придерживает, да и обращается к директору:

– Пётр Иванович, а нельзя ли этим ребятам что-нибудь из одежды-то выдать? Вы посмотрите только, ведь места живого на них нет!

Кошей строго так сначала на нас, потом на неё глянул и процедил сквозь зубы:

– Не могу, не положено! У них же матери живые. А разрешается только сирот верхней одеждой за счёт государства обеспечивать.

Ну что ж, на нет, как говорится, и суда нет.

Вышли мы втроём от директора. В коридоре школьная уборщица копошится, тётка Пелагея. Географичка – к ней. Пошептались они о чём-то, после чего Пелагея к Лиде подошла, по плечу её погладила и говорит:

– Пойдём, дочка, ко мне на фатеру! Я тебе кой-чего из детской одежды сыночка своего младшего, Илюшеньки, отдам. Он у меня взрослый уже, на фронте воюет. А у нас-то ведь скоро зима тута нагрянет. Как же ты будешь тогда в этих дырявых башмаках да платье драном ходить? Ой, беда!

Лида, понятно, устеснялась вся, на меня смотрит вопросительно.

– Иди, иди! – говорю. – Я тебя в интернате подожду. На ужин вместе сходим.

Возвращается Лида примерно через час: в брюках, в пиджаке мальчишеском и в крепких ботинках. Выглядит всё это не ахти, конечно. Даже можно сказать, ужасно. Однако я нахваливаю:

– Очень идёт тебе! А что, новый и современный стиль! Война ведь!

У меня и самого с одеждой-то туговато. Всё изношено и потёрто до последней невозможности. Ботинки, правда, без дыр ещё пока. Но всё равно холод пробирает. Придётся, видно, по улице зимой бегом передвигаться, чтоб не замерзнуть.

А вот и Бенилда появилась, узнала, что мы приехали, и тут же при-мчалась из школы. Тоненькая совсем, хрупкая, как веточка ивы. А в глазах такое счастье плещется! Хотя вслух ничего не говорит, молча прижалась к Лиде, обняла её обеими ручками, да так крепко, что не отцепить. Лишь прошептала ей что-то на ухо по-латышски. И у обе-их слёзы тихими ручейками катятся. Я давай их успокаивать, что-то невнятное бормотать, бессмысленное. Да и смысл тут, в общем-то, ни к чему: главное – тембр голоса, а не слова. Ну вот, вроде и переста-ли носами хлюпать мои красавицы. И правильно, не плакать надо, а радоваться!

* * *

Жизнь своим чередом идёт. Мы с Лидой снова учимся. Я опять в седьмом классе, она в пятом. Второгодники, так это называется. Но ни-кто над нами не подсмеивается, не издевается. В классах народу нем-ного, самое большое человек под двадцать. Среди них нас, высланных, добрая половина. Сразу обратил внимание, многие прежние учителя куда-то пропали. Поувольняли их, что ли? Непонятно... Больше всего лично мне жаль, что Василия Николаевича (Седого) из школы убрали. Для меня же это – золото чистое, свет в окошке, живительного воздуха глоток!

А на днях такая история приключилась. Плюхаемся мы с Лидой из школы. Она в сумке своей холщовой что-то ищет, копуша! Я по сторо-нам глазею. И вдруг вижу, по деревянному настилу вдоль улицы, прямо нам навстречу Василий Николаевич идёт и парнишку маленького, лет шести за руку ведёт. Седой – старый наш учитель! Но какой же он кра-сивый! И гордый!

Мы с Лидой дружно с ним поздоровались. Он улыбнулся нам в ответ. Видно, однако, что ему не до нас, о чём-то своём глубокую думку несёт, расплескать боится. Прошёл он к крылечку дома, где новый директор живёт с молодой женой. А тот как раз из двери появляется, собрался по своим делам куда-то. Не пригласил даже старика в дом зайти, а так на крылечке с ним и разговаривает. Уже нехорошо, неинтеллигентно как-то... Мы отошли подальше из вежливости, но продолжаем смотреть во все глаза. Тоже не совсем хорошо, конечно, да любопытство всё осталь-ное пересиливает.

Василий Николаевич что-то объясняет Кощей спокойно, с благород-ными даже какими-то жестами. А тот резко машет руками и в раздра-жении слюной брызгает. Мальчуган держит руку деда и весь съёжился, как воробышек на холодном ветру.

Лида мне шепчет:

– Директор-то – бывший зять Василия Николаевича. А мальчик – директорский сын. Кощей, как с фронта вернулся, с дочерью Василия Николаевича развёлся и вновь женился, на другой – молодой, местной. И Василия Николаевича из школы уволил.

Удивляюсь, и откуда ей, Лиде, всё это известно? Ведь она никого, никогда и ни о чём не расспрашивает. А просто с ней все наши ин-тернатские девчонки прямо обожают секретничать! Потому что знают, она не подведёт, дальше слух не распустит, сохранит все тайны в себе намертво. Надёжный человек! Кремень!

Смотрим дальше, что там, на директорском крылечке, происходит? А там посередине тяжёлого, видно, разговора Василий Николаевич

вдруг поворачивается через левое плечо, как-то молодцевато даже, и размеренно уходит с внучонком своим назад, по дощатому тротуару, к себе домой. Спина прямая, походка спокойная, уверенная, достойная. Мальчишка о чём-то спрашивает деда, теревит его за руку. А тот просто смотрит на ребёнка молча и ласково да о своём потаённом думает, горе горюет. Кошей, похоже, опешил прямо, стоит на крыльце, рот разинув.

А Лида мне снова шепчет, кивая на уходящего учителя:

– Смотри, Пауль! Смотри и запомни! Вот тебе ещё один урок от старого русского интеллигента, урок достоинства и чести!

Да я уже и без того осознал! И действительно, Кошей рядом с Василием Николаевичем – это словно беспородная шавка-дворняга рядом с благородным колли!

Ну и побежали мы с Лидой к себе в интернат.

* * *

Учиться, по правде говоря, скучновато. Материал за первое-то полугодие мы уже раньше проходили. Подзабылось, конечно, кое-что, но это дело поправимое.

Вот так октябрь прошёл, ноябрь пролетел. Зима прочно установилась. А снегу навалило! О-го-го! Разгребаем его каждый день, а то и не по разу, руки все выворачиваем. Но самая большая забота и печаль – о мамах. Как они там, в Куюмбе-то этой? Живы ли? Надежно ли эвенки их спрятали?

И вот вам радость нежданная-негаданная! Адька появился! Из Мирюги! Это наш парень, тоже из поволжских немцев. Его вообще-то Адольфом зовут. Но никто не дразнит, не намекает – тёзка, мол. Нет, его все любят – и ребята, и учителя. Он же прирождённый лидер. Высокий, широкоплечий, красивый, сильный! А ведь пятнадцать лет ему всего, как и мне (правда, скоро уж и шестнадцать будет). Он, Адька, честный, справедливый и принципиальный, как скажет – так оно и есть, так оно и будет. Мы с ним раньше за одной партой сидели. И теперь, надеюсь, соседями будем!

А вечером пришёл Адька к нам в интернат чуть живой, но весёлый и обо всём подробно рассказал. В Мирюге, конечно, после нашего отъезда ужас что творилось! Боков всех заел окончательно. Убийца настоящий! Продуктов не давал никаких. Корешки, грибы-ягоды и прочий подножный корм после того как снег выпал, в тайге недоступны. Рыба плохо ловится. Хоть волком вой!

Надо бы при таком положении людей назад вывозить в Байкит. Но Боков одно твердит: «Без приказа не имею права!» А сам в это время те продукты, что работающим предназначены, на водку и спирт меняет. И стали люди умирать, один за другим.

– Утром выйдешь наружу, – говорит Адька, – смотришь, опять из какой-нибудь землянки следов нет. Значит, и там умерли все...

Передохнул он немного и продолжает:

– А как-то гляжу спозаранок, прямо возле землянок – следы лыж на снегу. Широких, на каких эвенки ходят. Они обычно охотятся здесь: поблизости соболей особенно много водится. Эвенки-то все следы – и звериные, и птичьи, и людские – легко читают, да и стрелки они отличные, снайперы, можно сказать. Ну и я у них кое-чему научился, пригляделся, прислушался, порасспрашивал.

Мы слушаем, дыханье затаив. А Бенилда – та вообще, как рот открыла, так и не закрывает. Слово боится пропустить. Лида водички Адьке поднесла. Отхлебнул он пару глотков и дальше рассказ свой ведёт:

– А умирать мне так неохота! И маму жалко до слёз! Нет, решаю, надо жить! Надо отсюда ноги уносить! Ну и смастерил я из старых досочек подобие широких лыж для себя и для мамы. Примитив, конечно, но по снегу передвигаться можно потихоньку-помаленьку. И пошли мы на этих лыжах прочь из Мирюги́ вслед за эвенками, прямо к их стойбищу. Там нас приняли без возражений. Хотя им, эвенкам, власти строго-настрого запретили с нашим братом, высланными, якшаться, даже близко подходить не могли! Но ведь люди же – и мы, и они!

Короче, отвели нам место в чуме, покормили. Хлеба у них нет, одна похлёбка – мясная или рыбная. Мне один старик отдал старое сломанное ружьё. А я его починил, можно и в дело пускать. Подивились мужики-эвенки, языками поцокали. Потом патронами снабдили и охотиться разрешили. Но предупредили, чтобы я только в белок стрелял.

– Соболь – нельзя! – говорят. – Ему в глаз попадать надо. А ты пока мазать будешь, шкурка портить.

Ну а белок-то я только так щёлкал, пачками. Шкурки – эвенкам, тушки – нам, на пропитание. Так и отъелись мы с мамой понемногу. А в Мирюге́ к тому времени все, кто там остался, уже поумирали от голода. Кроме Бокова и кладовщицы Августы. Да и они тоже съехали Таимбу.

– Ну а потом-то что? – тороплю я Адьку.

А он неторопливо так слова перекачивает (подустал уже, видно):

– Да что потом? Самое интересное, кто-то на Бокова стукнул. Кто это был, до сих пор неизвестно. Но начали-таки краевые власти следствие против нашего «коменданта»: почему так много народу в Мирюге́ и в других факториях поумирало? И докопались, что он, Боков, продукты получал на выселенных, но им (нам, то есть) почти не выдавал.

– И что дальше? – спрашиваю.

– Да ничего серьёзного. Ну, сняли Бокова с должности, и всё. А потом, говорят, отправили служить на новое место, куда-то на юг Красноярского края.

Мы с Лидой прямо запрыгали от радости:

– Ура! Нет больше этого паразита над нами!

А потом давай опять Адьку тормошить:

– Ну а с мамами нашими что? Ты их видел? Слышал что-нибудь о них?

И тут Адька поведал нам просто невероятную историю. А ему об этом эвенки подробно рассказали.

Так вот. Бежали наши мамы из Мирюги́ по берегу реки. Ещё не холодно было. Но путь-то огромный, сотни километров. Ночевали на еловых лапах, ими же укрывались. Ближе к середине дороги решили сократить её и пошли по лугу, напрямки. Но ведь сентябрь уже. Подмораживает. Развели костерок, чтоб согреться немного. А тут, откуда ни возмись, Боков на лодочке с напарником по реке плывет. Как на грех! Увидел мам, пристал к берегу и давай орать:

– Ага! Беглянки! Стервы фашистские! Да я вас в лагере сгною! И суда никакого не надо, сам сейчас застрелю, к такой-то матери!

И наганом своим машет. Пьяный же, негодяй, на всё способен. Потом успокоился малость, командует:

– Садитесь в лодку, вы арестованы! Обе!

Но тут напарник его вмешался:

– Не годится! – говорит. – Лодка больше двоих седоков не потянет! Да и куда эти бабы денутся, куда дойдут? До любого жилья не меньше сотни километров. Да по тайге, по болотам. Сами здесь подохнут как пить дать. И чёрт с ними, нам забот меньше!

Согласился Боков. Сели с напарником в лодку и с глаз долой.

Мамы дух перевели, к реке вернулись. А там, на их счастье, Рыбак на своей лодке навстречу им выплывает. Обещал же он помочь и помог! Разыскал беглянок по их же следам, он ведь следопыт-то ещё тот, не хуже эвенков будет! Посадил Рыбак наших мам в лодку, привёз в свою избушку, отогрел, накормил. Передохнули они там и уже надёжно до Куюмбы добрались.

А эвенки наших мамочек не выдали, спрятали в своих чумах, снабдили одеждой из оленьих шкур, но добротной и тёплой. Так что, живут наши родненькие там спокойно в сытости и в тепле.

– Но почему же они вестей-то о себе никаких не подают? – недоумевает Лида.

– Глупая! – говорю. – Правильно делают! Чтоб себя не обнаружить! Чтобы разные там новые Боковы их не отыскивали! А так, здорово же всё получилось! Повезло нам всем и сказать нельзя как!

Лида соглашается и добавляет:

– Не зря мы, значит, Господа молили! Не оставил Он нас. И нашего Рыбака я до конца своих дней не забуду! Он ведь и нам, и нашим мамам жизни спас! Я за него каждый день молиться буду!

И нечего мне тут сказать. Хотя я и не молюсь по-серьёзному-то. Но, видимо, что-то такое всё же есть там, над нами!

* * *

Узнал, что нас с Лидой занесли в разные там школьные журналы и прочие гроссбухи не по документам, а так, со слуха. Вот и стал я, уже по бумагам, не Паулем, а Павлом, а она осталась Лидией. Хотя нас так все давно уже по-русски называют. Не знаю даже, огорчаться этому или радоваться? И без разницы мне, вроде. Но иногда чувствую, какая-то важная часть старой жизни от меня ушла, навсегда...

И ещё. Теперь мы с Лидой официально числимся как сироты. Проверяющий из Красноярска, ну, тот, который Бокова отстранил, прислал в Байкитский райисполком бумагу о гибели на Мирюгё большинства отправленных туда прошлым летом «выселенцев». И наши мамы тоже оказались в этом смертном списке.

На днях Кощей вызвал нас и сообщил, что мы должны получить у кладовщицы положенные нам как сиротам вещи. Ясное дело, мы тут же мигом сбегали и получили. Мне достались стёганные брюки, фуфайка и пиджак, а Лиде – тоже фуфайка и брюки, а также ещё платье и зимняя обувь, что-то вроде утеплённых башмаков. Как же она платьём обрадовалась! Уж так надоело ей в парнячем-то пиджаке щеголять!

* * *

Зима лютует. Морозищи в январе за минус пятьдесят перебирались. Но воздух-то сухой. А потому легче всё это переносится, чем во влажной какой-нибудь местности, ближе к морю, скажем. Февраль наступил, а зиме конца и края не видать. У нас, в степях, в это время уже весной во всю пахнет. А здесь...

Прибегает Лида, запыхалась вся. Я ей говорю:

– Да не спеши ты, все новости проглотишь – не выплюнуть потом!

А она не улыбается даже, так взволнована, дальше некуда.

– Ну, чего там? Выкладывай уж! Что случилось-то?»

Тут она, наконец, разродилась, выпалила:

– Мне знающие люди сказали, что недавно решение крайкома о создании колхозов из высланных отменили!

– Ну и что? – говорю. Она сердится:

– Да как же ты не понимаешь?! Теперь наши мамы могут сюда вернуться, и на законных основаниях!

И только теперь до меня дошло, дотумкал наконец. На самом же деле, ведь они, наши мамы, больше никакие не беглецы. Раз поселенческие колхозы эти проклятые распустили, значит, спасайся кто может! И кто уцелел. А потом подумал: «Так-то оно так. Но сколько же народу заморили зазря, по глупости и жадности! Гнали всех – и нас, немцев, и латышей, и кулаков – да мало ли кого ещё! – даже и на Таймыр, говорят. Сколько средств на это вбухали! А сколько разворовали всякие-разные Боковы?! И самое страшное – погибших-то уже не вернуть, сгинули, и от многих даже могил не осталось».

И всё-таки новость хорошая, добрая. По нынешним временам – редкая. Порадовались мы с Лидой и давай планы строить, как будем жить, когда мамы вернуться.

– Но пока никому ни слова, – предлагаю я. – Мало ли что ещё приключиться может! Все мы как по тонкому льду ходим.

Лида соглашается. Да, совсем задёргали нас последние лихие времена!..

* * *

Слава богу, 1944 год уже идёт. Война, вроде, переломилась. Гонит фашистов Красная Армия везде и всюду. И союзники всё больше помогают. Даже до нас эта помощь доходит, иногда вот нам в интернате яичный порошок дают, он ведь из Америки через Игарку на Енисее поступает.

Учимся мы старательно. Даже уроки домашние делаем. Ну, в основном... Лида ещё и Бенилду обихаживает: косички ей заплетает, платице латает, в баню водит. А та удивительно послушна и серьёзна. И на старшую сестрицу такими влюблёнными глазами смотрит! Даже нежнее, чем я (гм-гм!)... Хотя, если уж по делу, я за Лиду жизнь готов отдать! И не задумываясь! Вот такая штука!

* * *

Ну вот и февраль пролетел! Идём по улице после уроков. Болтаем без умолку обо всём, что в голову взбрédёт. К примеру, о том, как вчера на утёс прибрежный ходили. Оттуда вид на реку и окрестную тайгу классный просто! Дух захватывает!

Уже почти до интерната дошли, и тут навстречу нам какой-то незнакомый мужчина. Подходит и говорит:

– Бегите быстрее к школе! Там ваши мамы вернулись в Байкит и вас ждут!

Мы и помчались со всех ног! Прибегаем. Точно, стоят наши мамочки ну как две эвенкийские матрёшки в своих кухлянках! Обнимают

нас, целуют. Слёзы сначала сдерживали, но потом разрыдались в голос. Ещё бы! Ведь чуть ли не с того света вернулись!

Принялись мы все вместе думать, как и где нам дальше жить? Решили, пойдём к Кощею просить для мам работу. Есть в школе свободные места истопника и ночного сторожа. А ещё неплохо бы получить домик для жилья. Имеется такой рядом со школой, пустой, маленький, ветхий, но зато на два входа и с разных сторон.

Пришли. Выказались. Посмотрел Кощей на нас, подумал, попытел недовольно, а потом говорит:

– Ладно, уговорили! Но будете ещё дрова пилить и колоть! И в классах прибираться, за уборщиц. Тогда я вам, так и быть, две хлебные карточки выдам, рабочие.

Господи! Да неужели?! Ушам своим не верим!

– Конечно, конечно, мы на всё согласны!

И пошли восвояси, как на крыльях полетели!

К вечеру уже поселились в домике. Рады не рады, болтаем без перерыва, всё-всё своё житьё-бытьё в разлуке вспоминаем. И мама, и Леонора Павловна как девчонки себя ведут: покраснелись, разговорились, пошучивают даже. Обычно ведь они такие строгие, замкнутые. Смотрю на них и думаю: «Будешь тут строгим, когда детей своих от гибели сохранить – проблема почти не решаемая!»

Кое-как обустроились в своём домике. Он же заброшенный, с забитыми окнами стоял. Пришлось и двери утеплять, и пороги подколлотить. С каждой стороны домика по одной комнате с отдельным входом-выходом на улицу. Кухни нет, но в нашей с мамой половине напротив входа есть печка-плита с большим щитком, он выходит и на вторую половину к соседям. Тепла на всех достанет, дров бы только хватило.

Потолки в комнатухах низкие, чуть повыше моего роста, но это для сбережения тепла тоже неплохо. Около печного щитка соорудили нары вплотную и повыше, чтоб спать потеплее. Около плиты у нас – стол и две табуретки, то же самое и у соседей, хотя у них ещё и чурбачок небольшой имеется для Бенилды. Вот и вся наша мебель.

Одно из трёх окон застеклили, а два так и оставили забитыми. Насыпали в оконные проёмы опилок. Кусками брезента затянули изнутри. От морозов и выюги защита неважная, конечно, но всё-таки. Мама говорит:

– Топить печку будем и ночью, и днём, чтобы щиток тепло держал. В нашей комнате ты, Пауль, будешь спать между стенкой и плитой, а у соседей – Лида. Нас ведь с Леонорой по ночам не будет дома, надо печи в школе топить. И как только остынет домик ночью, вы оба просыпайтесь и опять огонь разводите! Для этого нужно просто золу в топке разгрести и на горячие угли дровишек подбросить.

Мы с Лидой, понятное дело, на всё согласны, лишь бы мамам угодить да помочь им хоть чем-нибудь!

И взялись мы за работу все четвером, да ещё и Бенилда на подмогу. Дел, конечно, много, выше крыши! Электричества-то в школе нет. А работает она в две смены. Но день-то короткий, темнеет рано. И вторая смена уже при керосиновых лампах занимается. А их нужно заправлять постоянно и стёкла у них чистить тоже регулярно. Потом, после занятий, это уже почти ночью, надо прибраться, подмести и вымыть полы в классах. И в коридорах тоже. А с этим – свои трудности. К ночи-то классные комнаты, а коридоры тем более, выстывают, да так, что вода на полу замерзает... А дрова пилить и колоть? Это вообще работка о-го-го!.. Но как-то всё же мы приспособились мало-помалу.

А мы с Лидой ещё и дрова таскаем с улицы в коридор. Печи-то в школе с коридора топятся, все. Наша мама по ночам закладывает эти дрова в топки, заправляет в них берёсту с лучиной и разжигает. Горят они хорошо и жарко, топят-то почти одной лиственницей. Сначала мы с Лидой занимались доставкой дров по ночам. Получалось как-то нескладно. И решили, что удобнее этим делом в дневное время заниматься, на большой перемене и после уроков.

Но тут я, как на грех, захворал. И крепко: жар, горло распухло. Леонора Павловна говорит:

– Лихорадка! Надо бы Паулю дня два полежать. И пить побольше. А там посмотрим.

Ну и вот, лежу пластом, и, значит, Лиде я не помощник.

Но тут Адька опять молодцом оказался! Увидел он, что Лида одна с дровами таскается, мучается, и организовал ей в помощь группу одноклассников. Разделил их на две бригады, распределил между ними печи поровну. И даже на время игру такую придумал, соревнование – кто быстрее за перемену дрова к своим печкам натаскает. Лида рассказывает:

– Столько шуток и смеха было! То одна бригада победит, то другая! За два дня они дровами чуть ли не весь коридор завалили!

Правда, Кощей, как увидел такие завалы, сразу же вызвал Адьку к себе и запретил «эту дурацкую благотворительность». Но тут я уже выздоровел, и всё стало на свои места.

* * *

Весна! Проталины появились. Новое занятие для нас: прошлогоднюю мороженую бруснику, что из-под снега показалась, в окрестной тайге собирать. Как-никак, а тоже к столу прибавка, витамины. А если серьёзно, за все эти страшные годы не припомню, чтобы хоть когда-нибудь голод не мучил. Всё время есть хочется, и никуда от этого не денешься, желудок не обманешь!..

На днях Кощей вызвал к себе Леонору Павловну. Из нашей школы уехала куда-то учительница немецкого языка Ирина Ивановна, и Кощей предложил Лидиной маме занять освободившееся место. Она же на родине, в Латвии, этим как раз и занималась. Но Леонора Павловна отказалась категорически. И правильно сделала! Ну, займёт она это место, а через какое-то время приказ придёт: «Учителей-выселенцев – уволить! Немедленно!» А такое уже бывало. И что тогда?! Нет уж, в истопниках-то и поспокойнее, и понадёжнее!

* * *

Ведём с Лидой ненаглядную нашу Бенилду в спортзал. Он рядом со школой, небольшой, но уютный. Учительница физкультуры жалуется, что она, Бенилда, очень слабенькая, на турнике даже один раз подтянуться не может. Хотя весу-то в ней, как у цыплёночка, худенькая до прозрачности, одни кожа да кости. Ну, подвели мы её к турнику, подвесили, а она не то что подтянуться, удержаться-то на нём не может. И смех и грех! Ладно, летом всё-таки полегче с едой-то будет, откормится немного, подрастёт, глядишь и силёнок наберётся!

Спросил у Лиды, как её фамилия с латышского переводится? Она улыбнулась и отвечает:

– Скворчик. Или скворец.

– Ага! – говорю. – Значит, по-русски ты – Скворцова? А почему тогда песен не поёшь?

А Лида мне:

– Вот весна придёт настоящая, и запою! Пока ещё очень много темноты, а света мало. А мне солнце нужно, чтобы петь. И много-много, море солнца!

– Ладно! – соглашаюсь я. – Будем ждать весны! Придёт же она и к нам когда-нибудь!

Созерцание-9: Как пахнет земля

Вспоминается: иду я за пахарем и его лошадкой и вижу, как железный лемех плуга переворачивает земляной пласт кверху тёмной, влажной, блестящей его стороной. Происходящее завораживает, и только размеренный скрип плужного колёсика как бы гонит время вперёд. А так ведь не сразу и поймёшь, в каком ты веке?

Пласт земли парит, от него, словно лёгкое дыхание, дымок идёт. Грачи важно переступают по свежей пашне и вытаскивают из неё ленивых, полусонных, толстых червей. Пахнет чем-то влажно-свежим, живым и очень важным, какой-то первоосновой жизни. Словами этого не выразить и никакой, даже самой грандиозной, мыслью не объять, не постигнуть...

Наверное, эта земля и есть первооснова всего сущего? Поэтому и веет от неё таинственным этим ароматом, запахом первожизни самой!

Время остановилось, вопреки бегущему вперёд плужному колёсику. Мужик-пахарь в конце борозды резким движением разворачивает плуг, встряхивает прилипшие к нему комки почвы, граница участка-надела не пропахивается, а только очерчивается лежащим на боку лемехом...

Я зачарован этой землей, этой пашней. В крови начинает бродить какая-то исконно-древняя память. Внезапно всё реальное и все мысли оставляют меня, словно удар какой по голове пришёлся. И видится: на таком же вот поле иду я за плугом, примитивным, деревянным, мну босыми ногами дымящуюся, свежевспаханную землю... А вдали, со степной стороны, возникают на шляхе силуэты всадников на низеньких лошадаках, в мохнатых малахаях и со смешными кривыми саблями наголо.

Всё это было уже? – Да!

И ещё будет? – Да!

– Вот и хорошо! Двум смертям – не бывать! А бог не выдаст – свинья не съест!

10. Клятва

Дожили до лета, июнь уже. Благодать! Лида отличницей учебный год окончила, а я – ударником. Я с учителями не спорю, даже если не согласен, а просто всё делаю по-своему. Но это не беда. Папа говорил:

– Четвёрка – тоже хорошая оценка, а главное, честная, объективная. На пятёрку мало кто из людей знать способен. А по некоторым предметам и вообще никто.

Половина 1944-го года почти прошла. Скоро война кончится. Красная Армия уже в Европе воюет. Союзники второй фронт открыли. Добьют фашистов, и мы все свободно заживём!

Пошли мы с Лидой к скале над рекой. На вершину забрались. Видом окрестным ещё раз налюбовались. Потом, как настоящие скалолазы, давай спускаться вниз, к реке. А там, по пути, дикого лука – заросли целые. Собираем его, уплетаем за обе щёки, вкусно же!

Спустились, передохнули. Смотрим, гидросамолёт прилетел! Сел на воду за Байкитом. Значит, почта пришла! Говорю Лиде:

– Бежим к школе! Может, и нам от Альки письма пришли!

Он, Алька, – молодец! Чаще нам писать стал. Наверное, и цензура там, в лагере, не такая строгая стала в последнее время?

Дела у него, старшего брата моего, судя по письмам, как-то наладились. Можно уже всерьёз надеяться, что выживет он там, в Вятлаге. Живёт уже не в самом лагере, а рядом – на спецпоселении. Отмечается раз в месяц у коменданта, Семёна Семёновича какого-то, который там над всеми выселенными и царь, и бог, и начальник. Все документы он оформляет и выдает: о рождении, женитьбе, смерти. На работы распределяет. Уходить с поселения дальше, чем на пять километров, запрещено. Ну, в общем, всё примерно так же, как и здесь, в Байките.

Лида отказалась со мной к школе идти. Говорит:

– Я тут ещё на берегу погуляю!

Ну и ладно – оставил её одну и пошёл за письмами. И не зря! Сразу два письма от Альки прилетели! Пишет, что живёт нормально. Хотя работа, конечно, тяжёлая, в лесу, на трелёвке брёвен. Вывозят их на лошадях. И к этим «лесовозам» отношение хорошее, лучше, чем к людям, надо понимать. Кнут в обращении с ними запрещён, только «словесное понукание и доброе обхождение». Кормят лошадок три раза в день, норма – шесть кило овса на голову.

«Мы, возчики, – подшучивает Алька, – всегда при кормёжке лошадей пристраиваемся у корыта, и только конюх отвернётся, тут же по горсточке овса в карманы распахиваем. Потом отпускаем лошадей размяться немного, а сами зёрна жарим на костре и уплетаем за милую душу! Это нас хорошо поддерживает. Я думаю, что и лошади на нас не в обиде, им корма хватает...» Весь Алька в этих письмах, ну как будто рядом стоит, то ли улыбается, то ли подсмеивается.

А мама читает их и плачет. Я понять не могу, почему? Спрашиваю её. Она отвечает:

– Да как же ты не понимаешь? Альбину учиться надо, а не брёвна возить! Это и к тебе относится, между прочим! Разве о такой судьбе для своих сыновей мы с папой мечтали?!

Я успокаиваю маму:

– Мамочка, ну не переживай ты так! Скоро война кончится, домой поедem, и всё наладится у нас!

Она берёт себя в руки, сдерживает слёзы. Вообще-то ведь она очень стойкая и плачет ну редко-редко.

Возвращаюсь на реку за Лидой. Что-то нет её долго, а дело к вечеру уже. Гляжу, бежит мне навстречу, весёлая, счастливая. Но вся мокрая с головы до ног! Изумляюсь:

– Ты что?! В одежде купалась?! Вода-то ведь ещё холодная!

– А, ерунда! – отвечает. – Сейчас дома переоденусь. Да не сердись ты, Пауль! Я же не по своей воле испукалась.

– Как так? – что-то история эта начинает мне всё больше и больше не нравиться.

– А вот так, – поясняет Лида. – Гуляю я по берегу, подхожу к лодке, а там две незнакомые девочки сидят, постарше меня на год-другой. Говорят, «Хочешь покататься на лодке – до Байкитика?» Я ответила, что не отказалась бы. Вспомнила, как мы с тобой и с Адькой на прошлой неделе ездили туда, на противоположный берег, за черёмухой. И на такой же точно лодке. Ну, посадили меня девочки в лодку на корму. Гребут вверх по Тунгуске, туда, где в неё Байкитик впадает. И так хорошо мне! Отвернулась я лицом к берегу. И вдруг одна из девчонок подбирается ко мне и резко толкает меня прямо в воду. Я сначала растерялась, руками-ногами машу, чтоб хотя бы на поверхности удержаться. И слышу, как вторая девочка первой кричит: «Ты зачем её из лодки вытолкнула?! Потонет ведь!». А та ей со злорадной такой ехидцей отвечает: «А что? Так ей и надо!» Но я уже успокоилась немного, начала размеренно грести, как могу, по-собачьи, и поплыла к берегу.

Я, понятное дело, в ужасе:

– Но ты же и на воде-то с трудом держишься! Утонуть ведь могла и легко!

А она мне с каким-то бесшабашным весельем:

– Вот и нет, я уже вполне прилично плаваю. Ты же меня сам ещё в прошлом году научил. А там до берега недалеко было. Течение, правда, сильное, и меня чуть не снесло в залив, ну, к устью Байкитика. Но на берегу там лётчик гидроплана оказался на моё счастье. Он увидел, как я барахтаюсь, тут же бросился в воду, быстро подплыл ко мне и на берег меня вытащил. Молодой такой мужчина и красивый!

Игнорирую последнюю фразу, во мне и без того всё кипит.

– Покажи, – требую, – мне ту ведьму, что тебя утопить хотела! Я ей все рёбра пересчитаю!

– Да ладно тебе! – говорит Лида. – Успокойся, Пауль! Ерунда ведь, я уже через сто метров об этом и думать забыла! Расскажи-ка лучше, что брат твой пишет?

А я продолжаю кипеть, словно чайник на огне: злость и обида через край плещут!

Тут Лида уже строго одёрнула меня:

– Ты, Пауль, прямо как та дырявая кастрюля, что у нас в Мирюгэ была!

Я недоумённо посмотрел на неё, а потом вспомнил: там, в Мирюгэ, у нас ведь даже котелка настоящего-то не имелось. Картошку варили на две семьи, на всех четверых, в железной, ржавой и дырявой кастрюле. А дыру в ней перед каждой варкой глиной замазывали. На один раз замазки хватало. Но иногда глина отваливалась, и вода попадала на угли. Вот тогда-то – шипение, пар на всю землянку! Вспомнил я всё это и прыснул. Лида тоже. Она рада, что мне шутка её понравилась и не в обиду пришлась!

Идём дальше к домику своему. Вообще-то, мы с Лидой о чём-то таком тяжёлом из прошлого, о высылке и прочем в том же духе, предпочитаем никогда не говорить. Больше шутим, о разных приятных мелочах вспоминаем. А страшное, мрачное, ужасное – ну зачем его в памяти-то держать? Его забывать надо! Хоть и не всегда это получается. Да и невозможно, наверное. Тогда нужно его в какую-то отдельную каморку внутри себя затолкать и ключ от неё выкинуть!

Ведь столько дел впереди! И так жить хочется! И нравится на этом белом свете быть несмотря ни на что! Правда-правда! Потом люди,

может, и не поверят, что нам до такой вот восторженной степени жизнь нравилась со всеми её изъятиями, трудностями, неприятностями. Даже когда мы дѣтем от мошки намазывались сутками напролѣт, а особенно – вокруг глаз, там эта гнусь больше всего жалит. Никакие, даже самые замысловатые фабричные накомарники – а о самодельных и говорить нечего! – не спасали. Их носили, конечно, но скорее так, для самоуспокоения.

О разных житейских мелочах вспоминать даже приятно иногда. К примеру, о том, как мы в той же Мирюгѣ землянки для себя сооружали. Дело это непростое. Поначалу не знали даже, с чего начинать-то? После команды «Рыть землянки!» – собрались в кружок, давай обсуждать, что и как? Все худющие, но подвижные ещё, трудоспособные. Подумали хорошенько и за дело принялись. Сначала вырыли квадратную яму в земле, примерно в человеческий рост глубиной. Сверху покрыли её жердями. На них положили еловые лапы. Какая всё-таки ель-то тяжелая! Замазали весь этот настил глиной, снова утеплили ветками и дѣрном. Сверху поставили шалаш, тоже из жердей с еловым лапником. Потом выровняли и утрамбовали пол. Вот и готова землянка! И ведь нормально всё сделали-то! Если, конечно, не думать и не помнить о том, что многие там, в таких вот землянках, навсегда остались, как в могилах...

Лида переделалась, и побрели мы с ней снова по Байкиту. А небо – чёрное, да с гнилого угла. Значит, завтра на весь день дождь зарядит. Пришли опять на ту же «нашу» скалу над рекой. Вода в Тунгуске бурлит. Воздух чист, как в храме! Видно со скалы далеко окрест. Тайга не зеленеет, а синее к вечеру. Горная цепь вдаль возвышается, словно в сказке какой, про Белоснежку и гномов. И разговор получается душевный, доверительный, откровенный.

Я Лиде говорю:

– Вот кончится война скоро, отпустят нас всех по домам. И что же мы с тобой делать тогда будем?

Она подумала и отвечает:

– Да на родину, конечно, надо съездить. Но ты не сомневайся, мы с тобой обязательно вместе будем! Мы ведь жить-то друг без друга не сможем! Выучимся и опять соединимся, станем мужем и женой!

Я просто задохнулся от счастья. И предложил:

– А давай клятву дадим, что никогда ни на ком постороннем не женимся, а только друг на друге!

Лида рассмеялась и по носу меня легонько щёлкнула:

– Ну и глупый же ты, Пауль! – говорит. – Это ты женишься, а я замуж буду выходить!

Тут мы взяли крепко за руки и три раза прокричали на всю округу: «Клянёмся! Клянёмся! Клянёмся!..» И эхо той клятвы над рекой прямо в тайгу улетело, куда-то далеко-далёко, в тёмно-синюю её бесконечность... От этого эха, видно, из распада большой серый беркут внезапно вылетел. И давай, вверх подымаясь, над нами круги нарезать. Крылья его – просто сказка. Красота несусветная!

Назад в посѣлок вернулись такие счастливые! Я был готов весь этот мир обнять! Ну, кроме Гитлера и прочих фашистов, понятное дело. Зашли в свой домик. Темновато уже. Первым делом нужно коптилки в комнатах керосином заправить. Это ведь только в школе лампы со стѣклами, а у нас – маленькие открытые коптилочки с фитильками. Света от них немного, но нам хватает. Не в этом оно счастье-то наше!..

Созерцание-10: Как светят звёзды

Да, ничего более утешительного, чем звёздное небо, я в жизни своей не видел и не знаю. Это – Вечное... Оно спокойно-ласковое, трепетно-нежное, живое и удивительное. Оно хранит в себе все тайны и чудеса, до которых нам никогда не дотянуться. А наверное, и не надо даже покушаться на это, ибо наивно и бесполезно...

Этот робко-мерцающий звёздный свет не согреет нас и не заморозит, отнюдь, но он питает нашу слабую душу, даёт ей силы вынести все муки и тяготы земных испытаний и искушений. Ведь для одних из нас жизненный путь – испытание, для других – искушение, а для третьих – и то и другое в одном стакане. А это вечное небо со своими звёздами в ночи хранит наши горячие головы, ну, словно тёплая шапка зимой.

Вглядимся в мерцание самой тусклой, едва заметной звёздочки, чей свет в наших глазах то прерывается, то появляется вновь! Возможно, это какой-то сигнал для всех нас? А может, эта звёздочка предназначена только мне одному и никому больше, и там, в её свечении, зашифровано нечто очень важное для меня?

А что если попытаться всё-таки прорвать завесу звёздной сети и, пронзив мыслью своей эту бездну, выйти навстречу одной-единственной СВОЕЙ звезде, которая только мне и дарована судьбой.